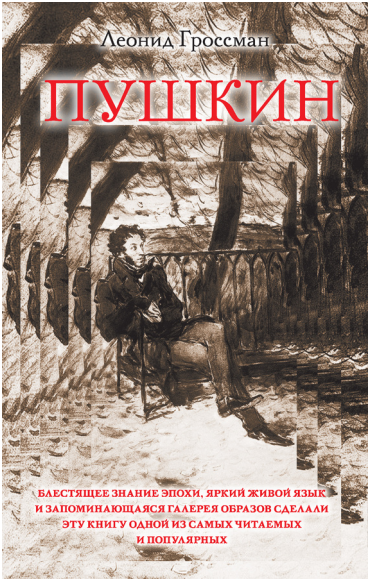

Леонид Петрович Гроссман Пушкин

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6352071
Пушкин: Астрель; М.; 2012
ISBN 978-5-271-39243-6

Аннотация

Л. П. Гроссман (1888–1965) – известный писатель, литературовед и искусствовед, автор более трехсот изданных печатных работ.

Особое место в его исследовательской деятельности занимает изучение жизни и творчества А. С. Пушкина, результатом чего явилась неоднократно издававшаяся биографическая книга «Пушкин».

Содержание

Часть первая	4
I	4
II	10
III	14
IV	23
V	30
VI	38
VII	44
VIII	53
IX	64
Часть вторая	71
I	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Леонид Петрович Гроссман Пушкин

Часть первая

I

«РОД ПУШКИНЫХ МЯТЕЖНЫЙ»

1

Если с главных проездов современной Москвы мы свернем в боковую сеть переулков, извивающихся вдоль Екатерининского парка, перед нами раскроется живописный участок одной старинной городской усадьбы.

В наши дни сюда уже решительно шагнул новый город. Здесь со звоном проходит трамвай, проносятся машины, высятся многоэтажные корпуса. И лишь местами уцелевшие густые сады за деревянными домиками напоминают о том, что перед нами особая, «допушкинская» Москва, еще не изученная ни исследователями поэта, ни историками великого города, но все же связанная с биографией Пушкина и представляющая поэтому несомненное историческое значение.

На месте этих оживленных улиц раскинулось при Петре Великом большое земельное владение, каких было немало в древнем московском посаде. Оно тянулось от Божедомки к Самотеке по теперешней Делегатской улице с прилегающими к ней многочисленными переулками и спусками.

Это боярское урочище перешло в 1718 году по наследству от дальнего бобыля-родственника к преображенскому лейб-гвардейцу Александру Петровичу Пушкину (прадеду поэта). В середине XVIII века этим обширным угодьем уже владел его сын, офицер гвардейской артиллерии Лев Александрович Пушкин, «человек пылкий и жестокий», как отозвался о нем его знаменитый внук.

Своим крутым и властным нравом этот елизаветинский капрал преемственно продолжал суровое племя своих исторических предков. В боковых линиях рода Пушкиных исстари выделялись стойкие и волевые деятели, нередко занимавшие видные государственные посты. Их родоначальник, правнук легендарного Радши, древнерусский витязь Гаврило Олексич был сподвижником Александра Невского в его победе над шведами 15 июля 1240 года. Правнук этого участника Невской битвы носил имя Григория Пушки. Двое из его сыновей стали называться Пушкиными.

Героическое начало этой родословной предопределило всю ее позднейшую историю. На протяжении нескольких столетий представители рода Пушкиных неизменно проявляли смелость, энергию, творческую одаренность в различных областях русской жизни. Они отличались в Куликовской битве, в сражениях Ивана Грозного, участвовали в походах на крымцев, шведов и турок, обороняли Москву от польского королевича, заседали в Земском соборе 1642 года, служили воеводами в передовых полках, наместниками, послами. Их выдающимися дипломатическими дарованиями объясняется поручение им переговоров с такими историческими фигурами, как Стефан Баторий, Антоний Поссевин или Густав Адольф. Среди русских государственных деятелей XVII века прославился знаменитый

боярин Григорий Гаврилович Пушкин, блестяще разрешавший важнейшие международные вопросы в Швеции и Польше, где он полномочно представлял Москву. Ему в высокой степени было свойственно твердое умение отстаивать честь и достоинство своей страны. Именно он убедил польского короля Яна Казимира сжечь на площади все порочащие Россию книги и «постановил с ним договор» о суровом наказании сочинителей антирусских памфлетов.

Но, несмотря на свои заслуги перед государством, потомки Григория Пушки не принадлежали к высшей феодальной знати. Не обладавшие титулами и не возводившие своей генеалогии к Рюрику, они стояли ближе к сословию служилых людей, чем к горделивым «наследникам варяга». В рядах боярства Московской Руси они оставались обычно в стороне от именитой знати, сохраняя в силу этого некоторую независимость. Во время опричнины Пушкины принадлежали к людям земским и были в опале у Грозного почти до конца его царствования. При Борисе Годунове они перешли на сторону недовольных, от имени которых обращался к московскому народу Гаврила Григорьевич Пушкин. Через триста лет гениальный потомок этого воина и дипломата увековечит его имя в исторической трагедии и сравнит в своих письмах фигуру этого властного политика с образами проконсулов Национального конвента.

Но оппозиционный дух, свойственный членам этой семьи, подчас отбрасывал их в сторону от передовых движений времени. В эпоху петровских реформ Пушкины оказываются в русле обратного и губительного течения – «хованщины». Они втягиваются в орбиту стрелецких и староверческих кругов, объединившихся для борьбы с нетерпимыми для них новшествами. Представитель передовой фамилии примыкает к реакционному заговору, направленному против попыток Петра цивилизовать современную ему Россию.

Но на этот раз споры с властью заканчиваются для представителей своенравного рода трагически. Сын видного и властного приверженца «последней Руси», то есть боярской старины, Матвея Пушкина, молодой стольник Федор был казнен 4 марта 1697 года вместе с двумя другими заговорщиками – стрелецким полковником Циклером и старовером окольным Алексеем Соковниным. На полстолетия имя представителей «неукротимой» фамилии сходит с памятных страниц российской истории.

Эта смутная пора в родовой летописи Пушкина особенно волновала его воображение. В одном из своих интереснейших замыслов он намеревался показать стрелецкие бунты сквозь образы семейной хроники Пушкиных. Целый ряд неосуществленных планов свидетельствует, как настойчиво привлекала поэта-историка эта политическая трагедия XVII века, воплощенная позже двумя другими русскими гениями – Мусоргским и Суриковым.

Только в середине XVIII века имя Пушкиных снова приобретает политическую известность. Дед поэта прославился своим противодействием знаменитому дворцовому перевороту 1762 года. В день, когда Екатерине II принесли присягу гвардейские полки, Сенат, Синод, петербургский гарнизон, все население столицы и даже морские силы Кронштадта, командир бомбардирской роты Лев Пушкин пытался удержать преобразенцев на стороне Петра III. Попытка оказалась неудачной. Через несколько дней свергнутый император, охрана которого была поручена знаменитому кулачному бойцу Алексею Орлову, скоропостижно скончался «от презрительной колики», а гвардейский артиллерист Пушкин был признан государственным преступником и заключен в крепостной каземат.

Это памятное событие ввело его имя в историю. В старинных иностранных описаниях «русской революции 1762 года» упоминается своенравный майор гвардии Пушкин. Внук-поэт хранил эти исторические сочинения в своей библиотеке, ссылаясь на них в своих записях и прославил звучной строфой незаметного участника громкого династического кризиса:

Мой дед, когда мятеж поднялся

Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.

Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Верность сумасбродному и слабоумному Петру III, заслужившему печальную память своим беспримерным низкопоклонством перед Фридрихом Прусским, не была историческим подвигом. Но знаменитая строфа «Моей родословной» интересна своим достоверным изображением дальнейшей судьбы дома Пушкиных. Политическая кара, обрушившаяся на представителя фамилии, явилась не только личным поражением, но знаменовала и весьма тягостный удар по младшей ветви пушкинского рода. Разгневанной Екатерине суждено было царствовать до самого конца XVIII века, а семейству строптивого Льва Пушкина незаметно нисходить к обычному среднему состоянию, далекому от государственных дел и придворных отличий. В поколениях семьи сохранилась неприязнь к императрице-узурпаторше и установился некоторый культ верного своей присяге Льва Александровича: чертами его политической биографии не без сочувствия отмечены деятели 1762 года в «Дубровском» и «Капитанской дочке».

Личная жизнь этого стойкого гвардейца была столь же драматична, как и его служебная карьера. «Первая жена его, – рассказывает в своей автобиографии Пушкин, – урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем ее сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе».

Этот потрясающий случай лишь отчасти подтверждается сохранившимися документами. Казнь гувернера сводится, по старинному формуляру Льва Пушкина, лишь к «непорядочным побоям», нанесенным им «венецианину Харлампии Меркадию». Рассказ о мученической смерти первой жены Льва Александровича не поддается проверке; нам известно лишь, что в молодости он действительно женился на Марии Матвеевне Воейковой, от которой имел трех сыновей. Скончалась она в пятидесятых годах, накануне крушения военной карьеры своего мужа.

Придворный переворот не сразу отразился на материальном благосостоянии Пушкиных. Льву Александровичу принадлежали крупные наследственные владения – ряд деревень и пустошей, большие участки земли в Москве по Божедомке и Смотеке и нижегородская вотчина – село Болдино – «под большим мордовским черным лесом». Это значительное родовое имущество Лев Пушкин сохранил и после постигшей его невзгоды. Вскоре после освобождения из крепости он женился вторым браком на дочери гвардейского полковника Ольге Васильевне Чичериной, род которой восходил к одному из телохранителей невесты Ивана III Софии Палеолог.

Знатности соответствовало и состояние. Вместе с поместьями и крепостными Лев Александрович получил в приданое еще изрядное количество драгоценностей и «мягкой рухляди» (как называли в то время дорогие меха). Неудивительно, что бабушка знаменитого поэта ездила в гости, по его известному рассказу, «вся разряженная и в бриллиантах» и даже в таком убранстве однажды родила. Произошло ли это в карете, как о том повествуют семейные предания, установить теперь трудно, но совершенно точно известно, что Ольга Васильевна принесла своему мужу четверых детей: двух дочерей и двух сыновей – Василия и Сергея, имена которых вошли в историю русской литературы.

2

Новая семья создавалась в трудное время. В селе Болдине, где, по преданию, самовластный помещик собирался «весьма феодально» вздернуть на ворота усадьбы гувернера, появились в 1773 году передовые разъезды Пугачева, требовавшие виселиц для самих феодалов. Движение, уже сдавленное с флангов, не могло здесь развернуться, и масса восставших вскоре отхлынула. Тогда-то по всей Нижегородской губернии появились виселицы, «колеса и глаголи» для устрашения недовольных и подавления новых вспышек. Орудия казни были поставлены местными властями и в Болдине «за преклонность крестьян к приехавшим злодеям и за просьбу тех злодеев, чтоб приказчика повесить».

Долгие годы сохранялись в семействе Пушкиных и передавались младшему поколению предания о могучих предках, принимавших участие в бурных событиях отечественного прошлого и неизменно отличавшихся «в войске и совете».

Но сыновья Льва Пушкина избрали для своей деятельности иное поприще. В их лице старинный род воинов и наместников впервые обращается к искусству. Фрондирующая оппозиция Екатерине и «новым» людям, пришедшим на смену Пушкиным служить государству после 1762 года, обращает энергию молодых представителей фамилии к чисто культурным и творческим начинаниям. Записанные с детства в гвардию, они не испытывают никакого желания служить и отличаться в походах и сражениях. Их привлекают иные битвы и победы – в поэтических кружках, в литературных салонах, на любительских сценах. Это стихотворцы, чтецы, импровизаторы, остроумные собеседники, актеры и режиссеры домашних спектаклей. Это прежде всего «любословы», как называли тогда таких вольных артистов речи, распространявших в пробуждающемся русском обществе новые формы европейской поэзии.

Стихотворное искусство очень рано стало излюбленным занятием молодых Пушкиных. Василий Львович понемногу превратился в настоящего литератора, неизменно причастного к виднейшим изданиям и знаменитым журнальным битвам своей эпохи. Младший брат, Сергей Львович, до глубокой старости писал стихи, всю жизнь сохраняя, однако, позицию бескорыстного служителя муз, равнодушного к печати и славе. Ни один из них не проявил высоких дарований, но оба создали вокруг себя ту атмосферу тонкой словесной культуры, которая могла послужить превосходной воспитательной средой юному поэтическому гению.

Биографическая традиция без достаточного основания изображает старших Пушкиных закоренелыми галломанами. Внимательное изучение вопроса приводит к заключению, что полученное ими французское воспитание нисколько не сделало их чужеземцами в родной стране. Напротив того, они стали видными представителями передовой дворянской интеллигенции на рубеже двух столетий, заметными участниками московской общественной жизни, превыше всего дорожившими развитием своей родной литературы. Иронически относившийся к ним П. В. Анненков должен был все же признать, что «никто больше их не ревновал и не хлопотал о русской образованности»; мы действительно находим этому немало подтверждений в мемуарных свидетельствах эпохи.

Родовые москвичи Василий и Сергей Пушкины росли в оживленной литературной атмосфере Москвы восьмидесятых годов XVIII века. Это было так называемое «новиковское» десятилетие с беспрецедентным расцветом русского книжного дела, журналистики, философских лекций и вольных кружков. «Дружеское ученое общество» и «Топографическая компания» бурно оживили молодую русскую культуру. Борьба с жестокостями крепостного строя, с невежеством помещичьего дворянства, с внешней цивилизацией столичного барства, проникнутого низкопоклонством перед Францией и пренебрежением ко всему оте-

чественному, привела выдающегося публициста к смелой и новой постановке темы родины и свободы. Новиков открывал своим читателям ценности старорусской образованности, живые предания национальной истории и одновременно звал к всеобщему разумному воспитанию для выработки независимой и сильной личности нового гражданина. Как все великие просветители, он стремился широко развернуть новейшую, освободительную литературу для коренной перестройки рабовладельческого общества. Нападая на придворную знать и «титлоносных» аристократов, он обращался к людям третьего сословия, приближая к ним и низшее обедневшее дворянство. «В лице Новикова неслужащий русский дворянин едва ли не впервые выходил на службу Отечеству с пером и книгой, как его предки выходили с конем и мечом», – выразительно писал В. О. Ключевский. В своих изданиях неутомимый публицист освещает в передовом духе великие мировые события и смело откликается на борьбу народов за республиканскую свободу. «Покоящийся Трудолубец» развертывает гневную критику крепостного барства, уже предвещающую сатиру Грибоедова.

По этим столбцам и страницам, проникающим и на старую Самотеку, в усадьбу Льва Пушкина, знакомится с жизнью и современностью подрастающее поколение. Дух просвещения, политического равноправия, освободительной идеологии незаметно воспитывает и молодых Пушкиных. Отсюда независимость их убеждений и деятельности, полное безразличие к «завидной» придворной карьере, исключительная преданность искусству и его передовым запросам. В литературных кругах Москвы они привыкли почитать имя Новикова и отвращаться от официозных идеологов. Вот почему Чернышевский с его обычной зоркостью и причислил Василия Львовича к ранним русским просветителям. В рядах культурного слоя России, выдвигавшего в то время полезных общественных деятелей, занимают свое скромное место отец и дядя А. С. Пушкина. В барской Москве XVIII века, где кипели пьяные пиры, где насмерть сражались кулачные бойцы, где кровавые гусиные и петушьи состязания развлекали скучающих тунеядцев, – в этой разгульной и жестокой дворянской столице сыновья самовластного помещика-самодура полюбили исключительно литературу и решили отдать ей свою жизнь.

3

Новиковскую Москву сменяет радищевский Петербург. Верные семейным традициям, братья Пушкины на исходе юности вступают в гвардию. Они оказались довольно нерадивыми офицерами, но зато оба вступили в литературный мир столицы. Новая глава их официальной карьеры отмечала и важный этап их культурного роста.

В атмосфере радищевских идей слагалась передовая петербургская журналистика конца XVIII века. Опыты Василия Львовича печатались в изданиях Крылова и А. И. Клушина; оба издателя входили в кружок известного вольнодумца И. Г. Рахманинова, близкого к Радищеву.

«Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий» были первыми органами «людей третьего чина», как называли в XVIII веке ранних разночинцев, отстаивавших в противовес галломанствующей аристократии идеи самобытной национальной культуры. Такая программа, уже наметившаяся в новиковской Москве, определит и литературную позицию братьев Пушкиных. Возросшие на классицизме, они переживают на исходе своей юности некоторую революцию стиля:

Во вкусе час настал великих перемен:
Явились Карамзин и Дмитриев-Лафонтен!

– писал Василий Львович в своем послании к Жуковскому.

В возникших и разразившихся затем двадцатилетних литературных битвах за выразительную речь и обновленный стих братья Пушкины остались непоколебимыми приверженцами реформы слога.

Одним из их первых знакомых был здесь друг и родственник Карамзина, ближайший его сотрудник в борьбе за новый слог, молодой семеновский офицер Дмитриев, баснописец и песенник. Особенным успехом пользовался его шуточный рассказ в стихах «Модная жена». При всей легкости сюжета эта повесть свидетельствовала о новом литературном направлении: главное в поэзии не вдохновенное парение или восторженная беспорядочность, а точность выражения, чувство меры, изящество формы, художественный вкус. Эти начала и легли в основу поэтики наших молодых стихотворцев.

Через Дмитриева они познакомились с Державиным, Богдановичем, переводчиком Апулея и Оссиана Е. И. Костровым, замечательным знатоком искусств и древностей А. Н. Олениным. Все это, несомненно, расширяет их кругозор и повышает поэтическую культуру.

Это были годы, когда правительственная реакция, напуганная французской революцией, решает дать генеральный бой тому независимому «литераторскому» сословию, которое Пушкин впоследствии признавал русским «средним состоянием» и даже называл «передовой дружиной просвещения». Борьба царской власти с оппозиционной интеллигенцией принимает беспощадный характер. Сама «просвещенная» императрица руководит разгромом нового трудового слоя с его «якобинской» идеологией и писательской профессией. Осенью 1790 года Радищев, приговоренный к отсечению головы за свое «Путешествие из Петербурга в Москву», был сослан в Сибирь. Весною 1792 года брошен в Шлиссельбургскую крепость Новиков, заслуживший, по заявлению Екатерины, «тягчайшую и нещадную казнь». Происходит публичное сожжение трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», герой которой признан республиканцем. Грозный верховный следователь или «кнутобоек» Шешковский лично допрашивает поэта-сенатора Державина о его обращении к библейским царям: «И вы, подобно нам, падете, как с древ увядший лист падет...» Принимаются особые меры против «французской заразы», то есть революционной идеологии, подвергаются разгрому издательства, закрываются типографии. Неосторожные книгопродавцы поставлены под угрозу кнута, плетей, каторги и вырывания ноздрей.

Но, несмотря на такой беспримерный разгром печати, братья Пушкины остаются в литературной среде и, каждый по-своему, «культивируют поэзию»: старший в качестве профессионала-литератора, младший – как любитель-дилетант.

В середине девяностых годов устраивается и личная судьба Сергея Львовича.

В Петербурге он посещает свою дальнюю родственницу Марию Алексеевну Ганнибал и знакомится с ее красавицей дочерью Надеждой Осиповной. Девушка отличалась своеобразной красотой – несколько удлинённый разрез глаз, орлиный профиль, легкая смугловатость кожи. Прозвище «прекрасная креолка» было присвоено Надежде Осиповне как некий постоянный эпитет, хотя и без достаточного основания: креолами назывались потомки европейцев, рожденные в колониях. Надежда Осиповна никогда не скрывала, что она внучка абиссинца, а ее утонченная внешность носила еле уловимые следы этого происхождения.

Сергей Львович был, видимо, увлечен с первого взгляда и вскоре предложил этой девушке с наружностью квартеронки и фамилией африканского завоевателя разделить с ним жизненный путь.

II ИНЖЕНЕРЫ И МОРЕХОДЫ

Брак Сергея Львовича, с точки зрения его родных, был малоподходящим. Надежда Осиповна не была богата, над репутацией ее семьи тяготела память о скандальном процессе двоеженца-отца, род Ганнибалов не отличался ни древностью, ни знатностью. Питомцы петровской школы, деятели императорского периода русской истории, они были известны в России XVIII века как военные инженеры, руководители работ по обороне государства, артиллеристы и полководцы. Это были строители крепостей на дальних окраинах и водители флотов под южными широтами. Такой активностью определялись их тревожные и авантурные биографии: когда Пушкины оказывались виновными перед правительством, их заключали в казематы; Ганнибалов в таких случаях сажали на военные корабли и отправляли воевать в Средиземное море. И они выполняли приказы и добывали трофеи, ибо были людьми напряженного и стремительного действия. Это были крупные и своеобразные личности, наделенные большой энергией и сильными страстями, умевшие строить свою жизнь, бороться с противными течениями и побеждать обстоятельства. Эти люди с властными характерами и героическими судьбами не оставили своих записок потомству, но они завещали свои исторические образы, как драгоценное достояние, будущему правнуку-поэту.

Дед Надежды Осиповны, абиссинец Ибрагим, ставший в России генерал-аншефом Абрамом Петровичем Ганнибалом, прожил жизнь, беспримерную по фантастическим переломам и счастливой игре случайностей. Судьба бросала его с африканских плоскогорий в забайкальские степи, с побережий Босфора в Москву, из новорожденного Петербурга во французские военные академии, из пышного Парижа Людовика XIV на театр войны. Он успел проявить себя как царский секретарь, как участник знаменитых сражений, как военный математик, придворный педагог, строитель крепостей и директор каналов. Его выдающийся ум, познания и общая одаренность не подлежат сомнению.

Начало его жизни окутано легендой. Из документов елизаветинской герольдии явствует, что Ибрагим родился в северной Абиссинии, где отец его владел двумя или тремя городами на правом берегу Мареба, на границе между Хамасеном и Сараэ, в Логоне.

В конце XVII века северо-восток Африки стал ареной усобиц с Турцией, которая вывозила в Константинополь военные трофеи, добычу, пленников, рабынь и заложников. Таким «аманатом» оказался и маленький африканец из Логона. С моментом его увоза связана поэтическая легенда о том, как старшая сестра Ибрагима, девочка Лагань, долго плыла за кораблем, увозившим ее любимого брата, и погибла в морской пучине.

Эпоха Возрождения возобновила античную моду на чернокожих слуг. Обычай этот из европейских дворов перешел в XVII веке в Россию. Арапы прислуживали обычно и Петру. На одном гравюрном портрете 1704 года он весьма декоративно изображен рядом с юным негром, охраняющим императорские регалии. Около 1706 года русский резидент при турецком «диване» получил приказ Петра выслать ему нескольких арапчат для украшения двора. Есть указания, что Ибрагим был выкраден из неприступного султанского сераля при содействии самого визиря.

В 1707 году маленький африканец был доставлен из Стамбула в северную столицу. Отныне он неотлучно состоит при царе и понемногу становится свидетелем крупнейших событий русской и европейской истории. За обнаруженные им «в походах и баталиях» прекрасные способности Петр отправляет юношу во Францию для обучения инженерному делу.

Несмотря на нужду в Париже и тяжелое ранение на войне, Ганнибал проходит курс артиллерийской школы в Меце и возвращается в Петербург профессором математики и фортификации. Он вывез из Парижа в Россию обширную французскую библиотеку в четыреста

томов, составленную из книг не только по его специальности, но также по географии, истории, философии и литературе. В этом книжном собрании имелись сочинения Расина, Корнеля, Сирано де Бержерака, письма Фонтенеля, «Князь» Макиавелли, мемуары Брантома, философские трактаты Мальбранша, «Всемирная история» Боссюэ. Особенно широко были представлены работы по математике и военному делу.

Сам Ганнибал написал книгу об инженерном искусстве и составил мемуары на французском языке. Умирая, он оставил не только поместья, крепостных и формуляр с высокимичинами, но и многотомное книгохранилище, ценное собрание физических и механических инструментов, а главное – благодарную память о своей научной деятельности: известный мемуарист XVIII века Болотов отметил в своих записках «прекрасную геометрию и фортификацию Ганнибала». Это имя, очевидно, приобрело авторитетную репутацию не только в правительственных и военных кругах, но и в среде молодого поколения, стремящегося к знанию.

Жестокая школа жизни, пройденная Ибрагимом, сообщила некоторую суровость его характеру. Это в полной мере сказалось в его семейном быту.

В конце 1730 года в Петербурге Ганнибал встретился с красавицей девушкой, как полагают, гречанкой, дочерью капитана галерного флота Евдокией Андреевной Диопер. Ганнибал попросил ее руки и настоял на браке, несмотря на протесты красавицы. Обвенчавшись в начале 1731 года, он увез жену в маленький порт Пернов (в бухте Рижского залива). Вскоре он обвинил молодую женщину в намерении отравить его и «смертельными побоями и пытками» принудил ее дать об этом официальное показание. Несчастную заключили в тюрьму, а властный абиссинец сошелся с дочерью местного капитана Христиной Региной Шеберг, от которой имел нескольких детей. Когда пришла пора отдавать их в учение, Ганнибал обвенчался с Христиной и, пользуясь своими связями, добился убийственного приговора для первой жены, все еще томившейся в заключении: «Гонять прелюбодеицу по городу лозами, а прогнавши, отослать на прядильный двор на работу вечно». Пожизненное заключение ее могло бы узаконить второй брак Ганнибала. Но Евдокии Андреевне каким-то чудом удается вырваться в Петербург и подать челобитную в Синод. Ее освобождают на поруки, а дело поступает на новое рассмотрение. Затравленная женщина, живя в Петербурге, сходится с подмастерьем Академии наук и рождает дочь Агриппину; она послужила источником легенды о белом ребенке, рожденном женою Ибрагима, за что преступная мать была замучена в монастыре, – предание, волновавшее творческое воображение правнука. «Часто думал я об этом ужасном семейственном романе», – писал Пушкин в наброске предисловия к «Арапу Петра Великого».

Появление ребенка дает Ганнибалу основание ходатайствовать перед петербургской консисторией, чтобы «она прелюбодеица долее не называлась его женой». 9 сентября 1753 года Евдокия была признана разведенной со своим мужем и осуждена на заточение в дальний монастырь, где и скончалась. Сам Ганнибал отделался епитимией и денежным штрафом за двоеженство; брак его с Христиной Шеберг был утвержден.

Такой благоприятный для него исход процесс объясняется тем, что в царствование Елизаветы Петровны любимец ее отца вошел в силу, пользовался большим влиянием и был щедро обласкан императрицей. Он получил звание генерал-майора, должность ревельского коменданта, пятьсот душ в Псковской губернии Опочецкого уезда, в «Михайловской губе», где его потомство долгое время хранило родовые земли и память о «прадеде-арапе».

С окончанием бракоразводного процесса сыновья Ганнибала получили, наконец, возможность поступить в дворянские корпуса и служить в гвардии и флоте. Старший – Иван Абрамович – стал историческим героем и заслужил от своего внучатного племянника хвалебный стих: «Вот Наваринский Ганнибал!» В 1770 году, после большой десантной опера-

ции и пятнадцатидневной осады, Иван Ганнибал взял в архипелаге крепость Наварин. Во время битвы в Хиосском заливе, 24 июня 1770 года, он командовал артиллерией эскадры и взорвал весь турецкий флот, укрывшийся в Чесменской бухте. Вскоре он доказал, что может не только истреблять фрегаты, но и сооружать цитадели. В 1778 году ему было поручено построить крепость Херсон на месте устаревшего небольшого укрепления Александр-Шанца. Через три года на месте глухой «фортеции» аннинского времени раскинулся большой город с военной гаванью, адмиралтейством, верфью и арсеналом.

Но далеко не всем Ганнибалам удалось проявить такую героическую активность. Младший брат победоносного «бригадира», получивший от отца имя Януарий, а от матери – Иосиф, вошел в историю лишь в качестве родного деда знаменитого поэта.

Этот Иосиф-Януарий, или в просторечии Осип Абрамович Ганнибал, отличался пылким и своенравным характером. Его считали «сорвиголовой» и «ужасом семьи». В 1773 году в чине майора морской артиллерии он был послан в Липецк осмотреть чугунные заводы, устроенные Петром I для отливки пушек Черноморскому флоту. В двух десятках верст от Липецка находилось село Покровское, имение капитана в отставке Алексея Федоровича Пушкина и его жены Софьи Юрьевны, рожденной Ржевской. Осип Абрамович стал бывать у покровских помещиков, посватался к их восемнадцатилетней дочери Марии Алексеевне и вскоре женился на ней.

Ярославское имение новобрачной пошло целиком на уплату долгов мужа, после чего Марии Алексеевне пришлось добиваться примирения своего грозного свекра с его блудным сыном. Вскоре молодые поселились в поместье Абрама Петровича, на мызе Суйде, под Петербургом. В 1775 году у них родилась дочь Надежда. Осип Абрамович надолго уезжал из дома, нисколько не заботясь о семье; молодой матери приходилось всячески влиять на супруга. Он решил сразу положить конец докучным домогательствам и навсегда оставил Суйду, увезя с собой в виде меры воздействия крошечную Надю. Затея удалась: Мария Алексеевна пошла на все уступки, лишь бы возвратить ребенка.

Сохранилось ее письмо к мужу. Впоследствии поэт Дельвиг восхищался живым русским языком писем Марии Алексеевны; об этом свидетельствует и приводимое нами письмо. Но еще более волнует оно той глубокой драмой, которая с такой сдержанной простотой выражена в нем.

«Государь мой, Осип Абрамович!

Несчастливые как мои, так и Ваши обстоятельства принудили меня сим с Вами изъясниться: когда уже нелюбовь Ваша ко мне так увеличилась, что Вы жить со мною не желаете, то уже я решилась более Вам своею особою тягости не делать, а расстаться навек и Вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем, чтобы дочь наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под присмотром моим. Что же касается до содержания как для нашей дочери, так и для меня – от Вас и от наследников Ваших ничего никак требовать не буду и с тем остаюсь с достойным для Вас почтением Ваша, государь мой, покорная услужница Мария Ганнибалова».

Получив нужную гарантию, Осип Абрамович с готовностью возвратил дочь при весьма колком письме, в котором желал жене пользоваться «златою вольностью»; «...а я, – заканчивал он свое послание, – в последние называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал».

Действительно, к семье своей он больше не вернулся. Отношения с женой Осип Абрамович считал настолько конченными, что в 1779 году снова женился на вдове Устинье Толстой, представив духовным властям «своеручное» письмо, свидетельствующее о его вдовстве. Мария Алексеевна в это время благополучно здравствовала в Москве. Узнав о своей «смерти» и о новой женитьбе мужа, она направила в соответственные инстанции документы, изобличавшие «вдового» Ганнибала в двоеженстве. Незаконный брак был расторгнут, а двоеженец послан на кораблях в Северное море. Четвертая часть его недвижимого имуще-

ства назначалась «на содержание малолетней Осипа Ганнибала дочери». С этой целью у него была отобрана деревня Кобринно Софийского уезда Петербургской губернии, где Мария Алексеевна и поселилась с подрастающей дочерью. Шурин ее, владелец соседнего поместья Суйды, чесменский герой Иван Абрамович Ганнибал, оберегал интересы своей крестницы.

Горестный опыт неудачного брака со всеми его тягостными материальными последствиями развил в Марии Алексеевне предусмотрительность, осторожность, практическое чутье и хозяйственные способности. В управлении своим скромным поместьем она тщательно наблюдала, «чтобы ни одна сила не пропадала даром». Только такая неусыпная энергия дала возможность Марии Алексеевне собрать средства для приобретения собственного домика в Петербурге, в Преображенском полку, где с середины восьмидесятых годов она живет с дочерью.

Надежда Осиповна получает первоклассное, по воззрениям того времени, светское воспитание. Она овладела в совершенстве французским языком и приобрела репутацию достойной ученицы мадам де Севинье в искусстве дружеского письма. Сохранившаяся корреспонденция Надежды Осиповны действительно свидетельствует о живости и литературности ее эпистолярного стиля.

Неудивительно, что молодой поэт-гвардеец Сергей Пушкин произвел на эту образованную девушку наилучшее впечатление. Летом 1796 года он уже был ее женихом, а в конце сентября в родовом владении невесты, в деревянной церковке мызы Суйды, они были обвенчаны. Никто из присутствующих не догадывался, что на их глазах слагается семья, которой суждено получить неумирающее значение не только в роду исторических Пушкиных, но и во всей истории мировой поэзии.

III

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

1

Вскоре после венчания молодых Пушкиных произошло крупное событие – смерть Екатерины II. Утром 5 ноября императрицу разбил апоплексический удар, а к концу следующего дня она скончалась. В ночь на 7 ноября Сергей Львович с братом, срочно вызванные в измайловские казармы, принесли присягу на верность новому царю.

Наутро Пушкины стояли на вахтпараде у своих частей в новом одеянии гатчинского «модельного войска», форма которого при Екатерине была строжайше запрещена к ношению. Туго затянутые в мундиры и узкие штiblеты, в перчатках с раструбами братья Пушкины салютовали новому императору. Маленький бледный человек с лицом, напоминавшим маску смерти, впервые гарцевал перед своими оцепенелыми полками. Всем была известна его угроза править «железною лозою».

Тревожное и сумасбродное царствование вскоре в полной мере сказалось на личной жизни молодых супругов. В течение целых пяти лет, до самой смерти Павла I, Пушкины никак не могут прочно где-либо обосноваться и не перестают переезжать из одной столицы в другую. Только в начале 1798 года Сергей Львович подает в отставку и вслед за старшим братом уезжает в родную Москву.

Пушкины поселяются в Немецкой слободе. По своему благоустройству это был в те времена лучший квартал города, заселенный иностранцами, вельможами и учеными. Здесь жили семьи знакомых и приятелей Пушкиных: известного библиофила Бутурлина, видного ученого публикатора Мусина-Пушкина (издавшего «Русскую правду» и «Слово о полку Игореве»), Воронцовых, Разумовских, Булгаковых и других представителей московского общества, к которому с детства принадлежал Сергей Львович и с мнением которого он всемерно считался. Нам поэтому представляется сомнительным, чтобы в мае 1799 года, накануне родов Надежды Осиповны, семья Пушкиных перебралась в домишко с провалившейся крышей, ветхий и полуразрушенный, где, согласно довольно распространенной версии, родился великий поэт. Все, что мы можем утверждать об этом, сводится к очень немногим данным. В Москве на Немецкой улице (ныне улица Баумана), в части, примыкающей к Елоховой, в никому не известном, давно снесенном строении, в четверг 26 мая 1799 года у Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных родился сын. Ему дали звучное историческое имя – Александр.

Он появился на свет в тяжелую и смутную эпоху. Год рождения Пушкина был богат большими политическими событиями. В 1799 году эскадра адмирала Ушакова победоносно огибает Ионические острова и берет неприступный Корфу. В этом же году русская армия с легендарным Суворовым во главе одерживает блестящие победы при Адде, Треббии, Нови и совершает беспрецедентный переход по обледелым кручам Сен-Готарда, спасая от окружения войска Римского-Корсакова по ту сторону Альп. Наконец 9 ноября 1799 года генерал Бонапарт свергает Директорию и становится полновластным повелителем Франции. Царизм упорно продолжает начатую Екатериной политику удушения революции, но русский народ уже проявляет на далеких полях сражений свою неустрашимость перед величайшей опасностью и непобедимость в исторических битвах, руководимых гением его вождей. Все это на исходе столетия уже возвещает стремительный ход мировой истории в ближайшие десятилетия XIX века, когда судьбы наполеоновской Европы будут решены в Москве.

Крепостные нянюшки окружали колыбель младенца. Одна из них, нянчившая его сестру Ольгу, обратила на себя внимание Пушкиных своим метким языком. Ее образные словечки навсегда остались в преданиях семьи, а замечательный дар народной сказочницы определил ей службу при детях. Крепостную няню звали Ариной Родионовной.

Это была сорокалетняя женщина, хорошо помнившая времена чесменской победы и пугачевского восстания. Она родилась 10 апреля 1758 года в вотчине графов Апраксиных – мызе Суйде, то есть в старинной Ижорской земле, захваченной в XVII веке шведами, но снова отвоеванной Петром. Этот многострадальный край хранил кровавые воспоминания о вековой борьбе за берега Балтийского моря и запомнил отголоски старинных битв в устной поэзии новгородцев, финнов и великорусских крестьян, переселенных сюда в начале XVIII века.

В этой среде и родилась крепостная девка Арина. Годовалым младенцем она стала «рабыней» знаменитого генерал-аншефа Абрама Петровича Ганнибала и оставалась его собственностью в течение двадцати двух лет, то есть до самой его кончины в 1781 году. Она хорошо помнила своего грозного барина и могла многое рассказать о «царском арапе» по своим личным впечатлениям от его необычайной фигуры и неукротимого нрава.

От знаменитого питомца Петра Великого молодая песельница перешла по наследству к его третьему сыну – Осипу Абрамовичу Ганнибалу, имение которого уже в 1784 году было предоставлено правительством покинутой им семье – Марье Алексеевне Ганнибал с малолетней дочерью Надеждой. А через тринадцать лет овдовевшая «крестьянская женка» Арина Родионовна становится нянькой в семье своей бывшей барышни, где ей и суждено было навсегда обессмертить «дивным даром песен» свое безвестное имя.

Вскоре после рождения сына Пушкины уезжают на некоторое время в село Михайловское к Осипу Абрамовичу Ганнибалу, а оттуда в Петербург, где они пробыли около года.

Павловский режим шел полным ходом к своей гибели. Охваченный манией борьбы с революцией, Павел I продолжал утверждать свое «царство ужаса»: полновластно действовала тайная полиция, цензура беспощадно душила печать, частные типографии были закрыты, литература замерла.

Неумолимый и мелочный этикет совершенно сковал жизнь Петербурга. Во дворце мужчины и женщины одинаково преклоняли перед императором колени и целовали ему руку. На улицах все проезжающие выходили из экипажей и отвешивали поклоны царю. Малейшее нарушение этих правил вызывало грозные гонения и взыскания. Вот почему появление Павла I на улице считалось сигналом к всеобщему исчезновению. Царя приветствовали паническим бегством.

Только таким уличным церемониалом можно объяснить курьезный эпизод ранней биографии Пушкина. Павел I лично сделал выговор его няньке за то, что та не успела при приближении императора вовремя снять головной убор с годовалого ребенка. Случай этот мог бы сойти за анекдот, но в атмосфере павловской регламентации уличных приветствий он становится понятным. Сам Пушкин изложил впоследствии это странное происшествие в своих письмах, придавая ему значение некоторого предвестия своих будущих распрей с царями. Поклонами он действительно не баловал венценосцев до самого конца своей жизни.

2

В начале 1801 года Сергей Львович возвращается в Москву и селится «на Чистом пруде» – между воротами Покровскими и Мясницкими, где Меншикова башня.

Конец павловской эпохи возвещал и возрождение русской литературы. С весны 1801 года вновь раздались голоса поэтов. «Возникли юные блистательные таланты, – писал Греч, – Жуковский, Батюшков, кн. Вяземский, Гнедич». Снова заговорил Крылов; «появи-

лись журналы, альманахи, критика и полемика». Братья Пушкины вернулись к своей любимой поэтической деятельности, и у Сергея Львовича открылись литературные вечера.

В эти годы семья часто меняет квартиры, но обычно проживает в том же участке старой Москвы, то есть в Немецкой слободе и Огородниках (где преимущественно селились литераторы и ученые).

С этими северо-восточными кварталами города связано раннее детство Пушкина. Он играл ребенком у Чистых прудов, любовался стриженными курами юсуповской «Версали», развлекался уличными сценами у Покровских и Мясницких ворот. Многих иностранцев поражал ежегодный весенний праздник освобождения птиц. В этот день московский «серенький люд» – дворовые, крепостные, слуги, крестьяне – толпами устремляется на площади, где каждый покупает клетку с птичкой, чтобы дать пернатой узнице свободу при радостных возгласах окружающей толпы. Есть в этом обычае, замечает один мемуарист, нечто трогательное и одновременно грустное. Это символическое празднество кажется почти оскорблением, нанесенным несчастным людям, пребывающим в состоянии рабства. Пушкин с детства полюбил этот «родной обычай старины», дарующий свободу «хоть одному творению».

Вокруг расстилалась Москва – «большое село с барскими усадьбами», пестрый, разбросанный, людный город с бревенчатыми и вовсе немощеными улицами, с питейными домами, харчевнями и хлебными избами, с колымажными дворами, монастырями, «воксалами» и дворцами.

Маленького Александра водил гулять по городу его дядька – молодой дворовый Пушкиных из болдинских крепостных Никита Тимофеевич Козлов. Он навсегда останется спутником поэта по всем дорогам его жизни и даже будет увековечен впоследствии беглым пушкинским стихом. Незаметно и скромно он займет свое место в ряду близких Пушкину людей, его родных и друзей. Если он и не был стихотворцем (как «импровизировал» вопреки всем источникам Л. Павлищев), он замечательно владел русской речью и широко пользовался ее яркими образами и богатыми сравнениями. Он поразил впоследствии одного из приятелей Пушкина, заявив ему, что барин, живя на даче, показывается в городе лишь на мгновение, «как огонь из огнива». Язык будущего великого организатора русской речи, несомненно, воспринял живую характерность этого картинного народного слога.

Художественное воспитание ребенка Никита выполнял и в своих прогулках с ним по городу. Он впервые познакомил мальчика с пейзажной и архитектурной красотой родной Москвы, не раз воспетой впоследствии в знаменитых строфах.

И ты, Москва, страны родной
Глава, сияющая златом,

– писал Пушкин в набросках к своей последней поэме.

Есть свидетельства о том, что мальчик любил взбираться на колокольню Ивана Великого (она действительно упомянута в его первой поэме). Отсюда расстилался широкий вид на поля и рощи, сторожевые заставы земляного вала, трубы «мануфактур», раскинутых по Китай-городу, Варварке и Мясницкой. Стройно возносились колоннады новых зданий: университета, построенного Казаковым, и «Пашкова дома», воздвигнутого Баженовым (ныне библиотека имени Ленина). Река Неглинная обтекала Кремль. На месте снесенных стен Белого города начинали зеленеть молодые бульвары. Так раскидывалась Москва XVIII века в разноцветной мозаике своих сверкающих крыш, просторная и живописная, трудовая и праздничная – древняя столица государства, великий русский посад, перекресток всех дорог бескрайней родины, «Москва моя!», как воскликнет восхищенно автор «Онегина». Он навсегда запомнил колоритный быт старой столицы с ее знатными чудаками и богатыми

проказниками, окруженными толпами дворовых, арапов, егерей и скороходов, сопровождавших торжественные выезды своих бар в каретах из кованого серебра.

Такие впечатления молчаливо и сосредоточенно вбирал в себя мальчик Александр, смущавший подчас свою мать некоторой неповоротливостью и задумчивостью. Так складывались скрытые внутренние процессы раннего поэтического мышления. «Страсть к поэзии появилась в нем с первыми понятиями», – свидетельствовал брат Пушкина. Сам поэт не раз отмечал такое раннее пробуждение своего творчества; таковы его стихи о музе: «В младенчестве моем она меня любила...», «И меж пелен оставила свирель...»

И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью...

Пробуждению фантазии ребенка широко способствовало знакомство с увлекательным миром народной сказки.

«...Некоторый царь задумал жениться... Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит тридцать три сына. Царь женился на меньшей...»

Так рассказывает Арина Родионовна.

Она неистощима в своих песнях, побасенках и сказаниях. В молодости крепостная самого арапа, теперь вольноотпущенная, она не пожелала воспользоваться вольной и осталась в семье нянчить маленьких Пушкиных. В родном селе Кобрино, в имениях Ганнибалов, она наслушалась сказок о царе Султане, о Марье-царевне, о работнике Балде, перехитрившем бесенка. Ее память подлинной сказительницы удержала во всех живописных подробностях песни, пословицы, присказки, поговорки. С глубокой музыкальностью, столь органически свойственной русскому народу, она протяжно поет грустные песни:

За морем синичка не пышно жила...

Заунывные напевы сменяются неожиданной веселой плясовой мелодией. В ней слышится неистребимая внутренняя сила многострадального крестьянства, которое пронесло сквозь невиданный гнет векового закрепощения свою неугасимую одаренность.

И в детской Пушкиных звенит и разливается веселый и задорный мотив о том, как по широкой столбовой дороге «шла девица за водой, за водою ключевой»...

Об этом песенном репертуаре няни свидетельствует знаменитая строфа Пушкина:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла...

В доме есть еще одна рассказчица – бабушка Ганнибал. Она происходила по матери из старинного рода Ржевских и, по свидетельству ее внучки, «дорожила этим родством и часто любила вспоминать былые времена». От нее маленький Пушкин слышал первые исторические анекдоты о XVIII веке, которые впоследствии так любил записывать. Она была близка и к обоим историческим Ганнибалам, пыталась даже смягчить суровый нрав Абрама Петровича и навсегда сохранила благодарную память о его старшем сыне – наваринском победителе.

Русская история целого столетия, военные события, интимный быт царей, Петр и императрицы, искатели и сподвижники – все проходило в ее рассказах сквозь события семейной хроники и биографии ближайших родственников.

В раннем детстве Пушкин учился у своей бабушки русскому языку. Происходя из обедневшей дворянской семьи и не получив аристократического воспитания, она любила свою родную речь и научилась литературно владеть ею.

В конце 1804 года бабушка Ганнибал приобрела под Москвой, в Звенигородском округе, сельцо Захарово. Оно находилось всего в двух верстах от большого поместья Вязёмы, богатого историческими воспоминаниями и старинными памятниками. Это была вотчина Бориса Годунова, а затем и загородный дворец Лжедмитрия, где останавливалась Марина Мнишек. Здесь задерживались послы и путешественники-иностранцы, следовавшие большой дорогой из Смоленска в Москву, сюда приезжал к своему воспитателю Борису Голицыну Петр I. Это оставило свой след в местных преданиях и народных песнях.

Пушкин-ребенок полюбил клены, тополя, водную гладь и тенистую рощу Захарова. Пейзаж средней полосы России здесь разнообразен и живописен. Именно в этих местах, по старой Можайской дороге, вскоре после Пушкина рос другой великий русский писатель – Герцен, оставивший восторженное воспоминание о лужайках и рощах западного Подмосковья: «Наши бесконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши; в нашей стелющейся природе что-то мирное, доверчивое, раскрытое... что-то такое, что поется в русской песне, что кровно отзывается в русском сердце».

Именно так воспринимал и Пушкин эти родные картины. Он любовно описал захаровский пейзаж в одном из своих лицейских посланий, а в 1819 году, находясь в Михайловском, выразил чудесными стихами свою глубокую любовь к русской природе, зародившуюся впервые в его любимом звенигородском селении:

Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

Но не все дышало идиллией в сельце Захарове. Здесь Пушкин впервые увидел крепостное крестьянство, которое навсегда осталось предметом его встревоженных и возмущенных раздумий о тягостной судьбе «измученных рабов».

3

В эти ранние годы уже шло незаметно и первое литературное воспитание Пушкина. Он рос в доме, где господствовал всеобщий интерес к художественному слову, где поэзия считалась самым важным жизненным делом. «Если ты в родню, так ты литератор», – писал Пушкин в 1821 году своему брату. И сам он с первых лет увлекается песнями, сказками, стихами. «С таким же любопытством внимал он чтению басен и других стихотворений Дмитриева и родного дяди своего Василия Львовича Пушкина, – сообщал впоследствии Сергей Львович, – затвердил некоторые наизусть и радовал тем почтенного родственника, который советовал ему заниматься чтением наших поэтов, приятным для ума и сердца». Александр последовал этому совету.

В раннем детстве он проникается и совершенно необычным в этом возрасте интересом к личности писателя. В 1804 году Сергея Львовича посетил Карамзин, незадолго перед тем назначенный «историографом». В то время только начинала разгораться борьба с противниками его реформы русского языка. Только в 1803 году вышло столь нашумевшее сочине-

ние адмирала А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге», в котором карамзинской литературной ориентации, якобы исходящей из симпатий к французской революции, противопоставлялась традиция церковнославянского языка, выражающего идеи православной церкви и самодержавной власти. Филологическая проблема принимала острый политический характер, а возникающая литературная борьба «славянороссов» с карамзинистами получала выдающееся общественное значение.

Эта бурная лингвистическая дискуссия выдвинула Василия Львовича на передовые позиции боя. «Борьба карамзинской школы с шишковскою принадлежит к числу интереснейших движений в нашей литературе начала нынешнего века», – писал Н. Г. Чернышевский. «...Справедливость была на стороне партии Карамзина; и В. Л. Пушкиным, одним из ревностных приверженцев карамзинского направления, были сделаны две или три счастливые вылазки в стан противников».

Таким образом, тем для беседы Карамзина с Сергеем Львовичем было немало. Поднимаясь с кресел, выпрямляясь во весь свой крупный рост, историк ораторствовал:

С подъятыми перстами,
Со пламенем в очах,

– так описывал его Жуковский.

Это было необыкновенное зрелище, особенно для пятилетнего мальчика, безмолвно притаившегося в углу дивана, впившегося глазами в «живого писателя» и жадно вбиравшего в себя непонятные и чудесные речи. Быть может, взрослые уже успели шепнуть ему, что этот высокий человек с гулким голосом сложил певучую сказку об Илье Муромце, которую так полюбил этот маленький слушатель поэтов.

И вот снова лился поток слов, раздавались странные имена, звучали стихи. Раскрывался особый мир – не отроков с серебряными ножками и царевен со звездой во лбу, а замечательных живых людей, слагающих стихи и пишущих книги. Откуда-то возникало тревожное и смутное желание стать со временем таким же слагателем «красных вымыслов»...

Об этом сообщил нам Сергей Львович Пушкин, описав вечерний визит к нему Карамзина в 1804 году: «Во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз...»

Таковы были светлые впечатления Пушкина-ребенка: няня, бабушка, Никита, Кремль, Захарово, басни и песни, дворовые и поэты – все это питало его раннюю впечатлительность и незаметно подготовляло его будущее творчество.

Не будем преувеличивать горестей пушкинского детства. Сам поэт оставил нам неопровержимые свидетельства об отрадных явлениях своих ранних лет:

С какою тихою красотою
Минуты детства протекли,

– писал он по свежим воспоминаниям в 1817 году.

Но не будем скрывать и подлинных огорчений ребенка. Долгое время он не был любим своими родителями, не понимавшими задумчивой сосредоточенности их старшего сына. Надежда Осиповна не чувствовала призвания к домашним обязанностям и охотно перелагала их на свою хозяйственную мать. Как и муж ее, она отличалась пылким нравом и страстием к светской жизни. Но вопреки своей репутации экзотической красавицы мать Пушкина была настоящей русской женщиной. По деду своему она тоже принадлежала к историческому роду Пушкиных, по бабке – к боярской фамилии Ржевских, по отцу – к совершенно обрусевшему поколению Ганнибалов, служивших и отличавшихся в россий-

ской армии, флоте и администрации. Воспитателем ее был знаменитый победитель Порты, соратник славных русских полководцев и адмиралов XVIII века. Она никогда не разлучалась со своей матерью, столь любившей национальную старину и так мастерски владевшей простонародной русской речью. Она росла со своим двоюродным братом Александром Юрьевичем Пушкиным, воспитанником сухопутного шляхетного корпуса, который рассказывал ей о славных военных преданиях России. Светское воспитание, сообщившее устному и эпистолярному стилю Надежды Осиповны модный налет французского классицизма, не оторвало ее от родной природы и русских людей, которыми она была окружена в деревне и столицах. Она любила подолгу жить в селе Михайловском. Разделяя литературные вкусы и занятия своего мужа, она постоянно общалась с первоклассными русскими писателями. Достоянная хозяйка в литературном салоне Сергея Львовича, она любила вечера, домашние спектакли, декламацию, театр, общество музыкантов и художников. К этому кругу принадлежал и писатель Ксавье де Местр, который хорошо владел кистью и написал известный портрет Надежды Осиповны в модном жанре миниатюры – акварелью на слоновой кости, передав с замечательной живостью ее тонкие черты и умные глаза.

Но такая рассеянная светская жизнь, захватывая целиком молодую женщину, совершенно отрывала ее от детей и отнимала у них поэзию и счастье материнской ласки. Больше других это чувствовал нелюбимый Александр. Молчаливым укором памяти Надежды Осиповны остается отсутствие темы материнства в поэзии ее сына.

Но следует все же отметить и одну заслугу Надежды Осиповны в воспитании детей: по свидетельству ее дочери, страсть к французской литературе развивал в них не только отец, который «мастерски читывал им Мольера», но и мать, читавшая вслух Александру и Ольге занимательные парижские издания.

В детские годы наметилась и та отчужденность мальчика от отца, которой суждено было привести со временем к открытой розни. Молодой Пушкин, ставший поэтом-борцом, соратником и вдохновителем декабристов, настолько перерос камерную поэзию Сергея Львовича, что их взаимное внутреннее непонимание и внешний разрыв стали совершенно неизбежны. Но и в ранние годы неуловимый еще антагонизм гениального подростка с окружающими его средними и ограниченными людьми должен был вызвать обоюдную настороженность и отчуждение.

Своеобразный характер Сергея Львовича во всех его жизненных противоречиях мало располагал к душевной близости.

Это был человек весьма образованный и обходительный, страстный почитатель и выдающийся знаток французских классиков, едва ли не первый русский «мольерист», но при этом вспыльчивый, раздражительный, деспотичный, чересчур беспечный в делах, хотя и крайне бережливый. Рано возникшие поэтические интересы Сергея Львовича отвели его от официальной России и сблизили с лучшими представителями русской культуры. В молодости он отличался скромностью и застенчивостью, а в зрелые годы избегал шумной известности, предпочитая всему дружбу даровитых людей и занятие поэзией. Двадцати восьми лет, в чине штабс-капитана, Сергей Львович оставляет гвардию и удаляется из Петербурга в Москву, где занимает совершенно незначительный пост в очень скромном ведомстве. Он, несомненно, разделял презрение своего брата к тем бесчисленным российским душевладельцам, которые проводили свой век в курении табака, кормлении собак и сечении крестьян, как сатирически изображенный Василием Пушкиным помещик Перхуров. Широко бытовавший в этой среде безудержный «картеж», доводивший нередко до преступлений, был ему чужд. Он был свободен от крепостнического самодурства, погони за чинами, придворного благочестия. Знаток поэзии и театра, он обладал врожденной способностью писать и даже говорить стихами. Выдающаяся лингвистическая одаренность Сергея Львовича давала ему возможность с одинаковой непринужденностью рифмовать по-русски и по-

французски. Он был мастером «стихов на случай» и охотно посвящал их друзьям и знакомым. В альбомах села Тригорского сохранилось множество его позднейших посвящений, посланий, приветствий, написанных нередко русскими стихами. Характерно его описание Михайловского:

Жилище мирное, услада дней моих,
И озеро, и лес, и сад, любимый мною...

Сохранилось и его посвящение сыну при поднесении ему на Новый год чернильницы, в котором автор с благоговением говорит о несравненном даровании и блестящей славе «любимого питомца муз». В 1837 году Сергей Львович подарил П. А. Осиповой портрет своего Александра, сопроводив подношение русскими стихами о своем отцовском горе. Именно он сохранил для потомства библиотеку своего сына и успел сообщить в печати краткие, но весьма ценные воспоминания о нем.

4

Любимейшим родственником подрастающего поэта был, несомненно, его дядя Василий Львович. В отличие от своего младшего брата это был человек исключительной незлобivosti. Своего старшего племянника, обделенного родительской любовью, он согрел своим сердечным вниманием и вдумчивым участием к его личности и судьбе. Он оказался первым воспитателем его таланта. Если бабушка Ганнибал учила родной речи, дядя Василий учил русскому стиху. «Парнасский мой отец!» – назовет его лицейский стихотворец, раскрывая почетное участие В. Л. Пушкина в своем творческом развитии.

Заметив одаренность мальчика, этот скромный литератор взял на себя его словесное воспитание и с честью выполнил ответственное задание. Следует признать, что он был вполне подготовлен к нему. Лирик небольшого дарования, он был прилежным работником в области стиха («Твой слог отменно чист, грамматика тебя угодником считает», – писал ему мастер поэтического слова Жуковский). Василий Львович занимался тщательной разработкой разнообразнейших поэтических жанров – посланий к друзьям, басен и сказок, сатирических поэм, эпиграмм, мадригалов, альбомных стихотворений, экспромтов, стихов на заданные рифмы. В ряду характерных бытовых черт старой Москвы Толстой упоминает в «Войне и мире» и «буриме Василия Пушкина». Наконец, как фольклорист, этот тонкий стиховед примыкал к целой плеяде поэтов XVIII века, разрабатывавших национальную старину и славянскую мифологию (Херасков, Державин, Богданович, Радищев).

Всем этим В. Л. Пушкин и был ценен как «профессор поэзии». Он мог служить начинающему стихотворцу живым руководством по метрике, художественному синтаксису, теории словесности. Свою поэтику он выразил в стихе: «Я логике учусь и ясным быть желаю». Поклонник краткой, точной и меткой речи, Василий Львович развил в себе подлинное искусство афоризма, столь нужного в басне и в сатире. Он по праву заслужил похвалу «чертенка-племянника» за меткость и силу своего полемического удара. Юный эпиграмматист высоко оценит это поразительное умение своего дяди – «лоб угрюмый Шутовского *клеимить единственным стихом!*».

Несомненную пользу принес он литературному новичку и своим «реалистическим» стилем: чуждый всякой мистике и фантастике, Василий Львович умел изображать жизнь, знал народную речь, был зорок к живописным типам и бойким нравам современной действительности. В «Опасном соседе» дан необыкновенно яркий очерк «низовой» Москвы, удалой тройки, пьяной компании, разгульного Буянова, который впоследствии был даже признан предшественником Ноздрева. Вся поэмка как бы предвещает «Чертогон» Лескова. Замеча-

телен язык ямщика, кухарки, девицы в его простонародной силе или мещанской выделанности. Понятно восхищение этой поэмой Батюшкова и Пушкина.

Такие «натуральные» картинки и были подлинным призванием Василия Львовича, который мог бы широко развернуть свой дар бытописателя в атмосфере физиологических очерков сороковых годов. В начале же столетия ему пришлось идти проторенным путем модных лирических жанров, в которых не могла проявиться его подлинная зоркость к колоритному быту улицы, трактира, притона с их купцами, дьячками, кутилами, с их «чесноком и водкой».

Это было новое слово в поэзии, которое в обстановке «предромантизма» не могло еще утвердиться. Но автор «Монаха» высоко оценил этот смелый ход «дядюшки-поэта» и всегда гордился своим «двоюродным братом» Буяновым, которого вывел даже в своем любимейшем создании, среди уездных поклонников Татьяны.

Школа не прошла даром. В своих шуточных поэмах, эпиграммах и посланиях он следует методам и опытам Василия Львовича. Не изменяет юный поэт и вольномыслию своего наставника. Но едва ли не главной заслугой «учителя» была его проповедь четкого, меткого, верного слова, конкретного и «реального» образа, исключающего всякую романтическую туманность или тягу к потустороннему. Школа Василия Львовича оказалась отличным противоядием всему таинственному, чудесному, божественному и сатанинскому, что нес с собою реакционный романтизм германского толка. Никакие соблазны и чары стиха Жуковского, у которого усердно учится юный Пушкин, не в силах заразить его этой «отрешенной» и «неземной» поэзией. Он всегда иронически сопротивляется ей. Поэт пишет о жизни для людей, он должен участвовать своим словом в их тревожнениях и быть общепонятным и увлекательным – к этому стремился всегда Василий Львович, и этому он весьма успешно учил своего племянника. Заслуга его до сих пор остается незамеченной, но она поистине значительна. Автор «Опасного соседа» может разделять славу тех безвестных музыкантов-педагогов, из школы которых вышли великие композиторы и виртуозы. Он остается *первым* учителем Пушкина в поэзии – он поставил его голос. Мастера стиха Батюшков и Жуковский оказались неизмеримо сильнее и влиятельнее его, но они пришли позже.

В атмосфере таких разнородных и разноязычных впечатлений, но среди русской природы, архитектуры, басен и песен проходило детство Пушкина.

IV «В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ»

1

Настала пора подумать о серьезном обучении мальчика. Сергей Львович придавал несомненное значение проблеме воспитания, но разрешал ее несколько своеобразно. К новому поколению он применял принципы полученного им самим изысканного образования дворян екатерининского времени. К этому присоединялся, видимо, и личный опыт светской жизни и постоянных словесных развлечений. Началом и основой школы он считал знание европейских языков, особенно французского, которым владел мастерски и который так свободно подчинял игре своих каламбуров. Знание чужого языка считалось достигнутым лишь при усвоении литературных форм и даже поэтического стиля, почему изучение и строилось на чтении классических образцов – «Сида», «Андромахи», «Тартюфа», «Макбета», «Генриады». Отсюда убеждение, что высшим качеством преподавателя является его причастность к искусству – поэзии, музыке, красноречию, живописи. Достаточно известно, что сам Сергей Львович открыл такое литературное воспитание своих детей чтением им вслух своего любимого Мольера.

К сожалению, практика оказалась ниже намерения. Домашнее воспитание оставило навсегда отвращение к французским вокабулам и арифметике, но сообщило ребенку отличное знание иностранного языка и необычайную начитанность в поэзии. Этим он обязан своим родственникам в не меньшей степени, чем педагогам. Сергей Львович пошел, несомненно, правильным путем, приобщая детей с малолетства к литературе взрослых, широко раскрыв восьмилетнему мальчику свои книжные шкафы и разрешив ему постоянно присутствовать в кабинете и гостиной при беседах писателей. «Малый» поэт, каким был Сергей Львович, создал прекрасную умственную среду для воспитания великого поэта, каким оказался его сын.

Главную школу Пушкин проходил не в детской, а в приемных комнатах отца. Здесь он постоянно слушал стихи и с замечательной легкостью запоминал их. При такой системе воспитания роль педагогов значительно ослабляется. Разноязычные воспитательницы – немки, француженки, англичанки – особенного значения для его развития не имели. До нас дошли имена мисс Белли и фрау Лорж, преподававших языки маленьким Пушкиным. Ни английским, ни немецким Александр Сергеевич в детстве не овладел, но в конспекте своей автобиографии он впоследствии записал: «Первые неприятности – гувернантки».

Вскоре от этих докучных воспитательниц подросший Александр переходит на попечение учителя-француза. Первый гувернер Пушкина – граф Монфор, человек светского образования, музыкант и живописец. Его сменяет мосье Руссло, который преподавал мальчику, помимо своего родного языка, еще латынь и отличался, даже в семье Пушкиных, своими стихотворческими способностями. Очевидно, педагоги, приглашенные Сергеем Львовичем, не принадлежали к разряду случайных учителей, которых нередко поставляла в помещицьи семьи французская эмиграция.

Отечественную словесность преподавал подросткам Пушкиным священник Беликов. Это не был захудалый дьячок, обучавший грамоте недорослей XVIII века, но, в полном соответствии с общей культурой пушкинского дома, известный проповедник, даже писатель. Помимо родной речи, он преподавал детям арифметику и катехизис. Профессор двух инсти-

тутов, он хорошо владел французским языком и издал в своем переводе проповеди Массильона.

Подлинная культура слова, так ярко сказавшаяся уже в первых стихах Пушкина, объясняется и его ранними чтениями. «Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другой», – сообщал брат Пушкина. Превосходная библиотека Сергея Львовича имела первостепенное значение в умственном развитии его сына. Она состояла «из классиков французских и философов XVIII века», сообщает сестра поэта. Можно заключить, что сюда входили Рабле, Корнель, Расин, Мольер, Лафонтен, Буало, Лесаж, Вольтер, Бомарше, имена которых мы не раз встретим у Пушкина. Как было принято тогдашними библиофилами, Сергей Львович собирал и «моралистов», «публицистов»; мастерами философского жанра считались Гольбах, Гельвеций, Мабли, Монтескье, Дидро, Руссо, которых поэт отчасти назовет в своем послании «К вельможе»:

Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет...

В репертуаре чтений Евгения Онегина он продолжит этот список:

Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля...

В посланиях Василия Львовича, столь связанного с братом личной дружбой и общими вкусами, названы также Кондильяк, автор знаменитого «Трактата об ощущениях», и Делиль («парнасский муравей» по известному стиху «Домика в Коломне»). Следует полагать, что в отцовской библиотеке Пушкин нашел образцы комических поэм и легкой поэзии «старой Франции». В стихах лицейского периода он назовет Лафара, Шолье, Грекура, Вержье. Особое значение имел Эварист Парни, автор «Эротических песен» и «Библейских походов». Знал Пушкин и Клемана Маро. Из античных авторов, по свидетельству Ольги Сергеевны Павлищевой, брат ее уже девяти лет любил читать Плутарха – этого любимца республиканцев, которым вдохновлялся Шекспир и зачитывался юноша Бетховен. Пушкин увлекался и поэмами Гомера во французском переводе. Его знаменитое двестишестое (1830) «На перевод Илиады» («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...») по истокам своим восходит к его детским чтениям.

Как указал И. И. Пущин, его друг-поэт проводил свои детские годы не только в отцовском доме, но «и у дяди, в кругу литераторов». Это означает, что Пушкин-подросток пользовался знаменитой библиотекой Василия Львовича, вывезенной им в 1803 году из чужих краев и, несомненно, пополненной обширным русским отделом. Двенадцатилетнего Пушкина влекло и в ценное книгохранилище Бутурлиных, где он любил «разглядывать затылки сафьяновых переплетов», рассматривать редкие гравюры и читать издания, отсутствовавшие в библиотеке его отца.

Наряду с образцами мировой литературы мальчик приобщался здесь и к отечественной классике. Имена русских поэтов, которые называет в своих посланиях Василий Львович, имеют несомненное значение и для суждения о ранней начитанности его гениального племянника. Это Ломоносов, Державин, Богданович, который воспел любовь в «поэме несравненной», наконец, новаторы языка и стиля – Карамзин и Дмитриев:

Вот чем все русские должны гордиться ныне!

Маленький Александр, несомненно, уже в детстве знал великих поэтов своей родины, без чего он не мог бы с такой неподражаемой легкостью овладеть в отроческие годы русским стихом. К детским впечатлениям восходит и его обширная начитанность в русской поэзии XVIII века, которая широко представлена в стихах лицейского периода. Книжные шкафы и литературный кружок Сергея Львовича сыграли первостепенную роль в этом приобщении его сына к ценностям родного слова. В ранних стихах Пушкина мелькают имена Ломоносова, Державина, Фонвизина, Радищева, Крылова, Жуковского, Батюшкова. Примечательно, что товарищи-поэты уже весной 1812 года высоко оценили словесную культуру своего блестящего однокурсника, который жил «между лучшими стихотворцами и приобрел в поэзии много знаний и вкуса».

Но эрудиция его была гораздо шире. В лицей, на тринадцатом году жизни, он принес не только познания в мировой литературе, но и сложившиеся навыки мысли, перекликающейся с революционными и атеистическими течениями философии Просвещения. По отзывам благонамеренных лицейских педагогов, Пушкин был безнадежно «испорчен» домашним воспитанием. Закаленная смелой критической мыслью, его натура упорно сопротивлялась их религиозно-монархическим воздействиям.

2

Но над всеми антологиями и альманахами в доме Пушкиных не переставали звучать живые голоса поэтов. Здесь всегда раздавались стихи, то восхищавшие классической законченностью своих знаменитых изречений, то волнующие необычайной музыкальностью своих новых элегических ритмов. К поре отрочества Пушкина относится появление в литературной гостиной Сергея Львовича двух крупнейших поэтов молодого поколения: это были Жуковский и Батюшков. Вскоре поэт-лицеист признает их своими учителями.

В кругу молодых писателей Батюшков выделялся своим упорным трудом над стихом XVIII века, которому стремился придать новые живые интонации. Предпринятый им труднейший опыт начинал давать поразительные результаты. Слагался новый лирический стих с гибким и сильным ритмом, замечательно соответствующий обширным и глубоким задачам, стоящим перед национальной литературой. Уже первые стихи Батюшкова, по замечанию Белинского, «должны были поразить общее внимание, как предвестие скорого переворота в русской поэзии. Это еще не пушкинские стихи, но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских».

И вот они начинают звучать, эти первые пушкинские стихи, еще произнесенные детским голосом, но уже возвещающие будущую устремленность своего полета.

Три особенности поражают нас в первых опытах Пушкина: необыкновенно раннее пробуждение его творческого дара, исключительное разнообразие жанров, в которых «певец-ребенок» пробовал свои силы, уверенность и законченность его первых опытов. Вскоре сказалась еще одна черта, определившая все дальнейшее развитие его поэзии: неуклонное влечение к передовым воззрениям и ведущим политическим идеям эпохи. Но к этому Пушкин пришел уже в отроческие годы.

Его поэтическое сознание пробудилось на грани младенчества и детства «с первыми понятиями» (по свидетельству родных). Стихотворение 1816 года «Сон», в котором дана по свежей памяти яркая картина детских впечатлений от сказок няни, раскрывает во всей глубине неуловимый внутренний процесс первого возникновения творческих помыслов ребенка. Волшебные образы вызывают «крылатые мечты», рыцарские подвиги возбуждают желание славы: «и в вымыслах носился юный ум...».

Рано сказалась и разносторонняя одаренность будущего мастера слова: мальчик вскоре овладевает разнообразными жанрами и размерами, придавая различные интонации своему нарождающемуся стиху.

Одна из первых поэтических форм, прельстивших Пушкина, была, по свидетельству его сестры, басня. На это же указывал, как мы видели, и Сергей Львович. В начале XIX века пользовались известностью басни Дмитриева, который первый придал этому жанру «правильность, красоту и поэзию в слоге». Рядом с ним называли и его последователя В. Л. Пушкина, автора занимательных нравоучительных притч. С особой нежностью юный поэт назовет вскоре «Ванюшу Лафонтена». Он имел в детстве и собственный экземпляр басен Фенелона.

В доме записного театрала Сергея Львовича часто устраивались домашние спектакли. Кресла в гостиной расставлялись рядами, а ширмы превращались в кулисы. Сам хозяин-режиссер исполнял преимущественно роли мольеровского репертуара, в котором мог соперничать с лучшими любителями старой Москвы. Партер друзей не скрывал своего одобрения, дети словно замороженные следили за веселыми шутками сатирической комедии или народного фарса.

Один из первых театральных жанров, прельстивших Пушкина, назван его сестрой «маленькими комедиями». Они импровизировались на французском языке и явно вдохновлялись Мольером. К этому именно виду одноактных пьесок принадлежат «Смешные жеманницы», «Брак поневоле», «Мнимый рогоносец». Характерный признак этих коротеньких пьесок – анекдотичность сюжета, острота интриги, бойкая трактовка темы, радостная развязка. В центре обычно забавный обман или комическое недоразумение, порождающее ряд игривых положений.

Дошедшее до нас заглавие одной из ранних пьесок Пушкина свидетельствует о старинной комедийной традиции. «Escamoteur», собственно, не похититель, а скорее плут, пройдоха. Известно, какую огромную роль в композиции мольеровских комедий играет момент ловкого обмана. Возможно, что в своем раннем опыте маленький автор вдохновлялся «Плутнями Скапена», где эта тема разработана наиболее изобретательно и остро.

Творец «Тартюфа» привлекал пока своими веселыми интригами и комическими типами. Вскоре он будет воспринят как «Мольер-исполин», как поэт и мыслитель, выражающий в легких комедийных формах свою приверженность природе, разуму, освободительным идеям эпохи. Он оказался для Пушкина одной из самых живых связей с бунтарским духом французского Возрождения.

С первой комедией Пушкина связано его обращение к другому жанру – эпиграмме. Как известно, сестра Ольга освистала «Похитителя». Брат, по ее словам, не обиделся и сам на себя написал эпиграмму:

За что, скажи мне, «Ловкий вор»
Освистан зрителем партера?
Увы! за то, что стихотвор
Его похитил у Мольера¹.

В первых же сатирических опытах Пушкина, сохранившихся в памяти его сестры, уже ощущается его бесспорное призвание. Фраза складывается естественно, легко и живо, с изумительной сжатостью выражая остроумную мысль и сообщая всей строфе стремительность, точность и блеск. Пушкин-мальчик уже владеет образцовым эпиграмматическим стихом.

¹ Позволяем себе передать этот первый блестящий опыт эпиграммы Пушкина русскими стихами.

Эпические поэмы привлекают его и к новейшей литературе. «Лет десяти, – сообщает сестра поэта, – начитавшись «Генриады» Вольтера, написал он целую героико-комическую поэму в песнях шести под названием «Toliade», которой героем был карла царя-тунеядца Дагоберта, а содержанием – война между карлами и карлицами».

Темой своей эпической поэмы Вольтер выбирает время жестоких гражданских боев во Франции в XVI веке. Эта тема дает ему возможность выразить протест против церковной нетерпимости. Описания Варфоломеевской ночи и голода в Париже представляют собою исторические картины исключительной силы. Высокая социальная идейность «Генриады» – борьба с религиозным фанатизмом, драматизм исторической темы, блеск и чистота стиля – все это обеспечило поэме широкое признание.

Десятилетний Пушкин мог запомнить классическое обращение Вольтера не к Музе, а к Правде: истина должна сообщить силу и свет его писаниям, приучить к своему голосу уши королей, выражать его пером страдания народа и обличать ошибки властителей.

Но мальчик не ставил себе непосильной задачи – создать творение в таком трудном жанре, как «Генриада». Сестра поэта правильно указывает, что он взялся за написание поэмы героико-комической, то есть принялся за пародию на героический эпос. Следует полагать, что в библиотеке Сергея Львовича среди других шуточных поэм XVIII века имелась и пародия французского поэта Монброна «Перелицованная Генриада»², которая и послужила маленькому Александру образцом для его «Толиады».

Раннюю поэму Пушкина постигла печальная участь. Гувернантка детей, недовольная тем, что Александр вместо уроков «занимается таким вздором», тайком завладела его тетрадкой и с соответствующей жалобой вручила ее гувернеру Шеделю. Прочитав первые стихи пародийной поэмы, француз бесцеремонно расхохотался.

Начинающий поэт почувствовал себя глубоко оскорбленным: рукопись его тайно похищена, над стихами грубо смеются. «Тогда, – рассказывает Ольга Сергеевна, – маленький автор расплакался и в пылу оскорбленного самолюбия бросил свою поэму в печку». Казалось бы, обычный случай из быта детской, и все же это первый удар в творческой биографии Пушкина: самовольное распоряжение его рукописью, глумление над ней и в результате – сожжение автором заветной тетради в виде протеста против возмущившего его непонимания и насилия.

3

Уже в отчем доме происходит заметный внутренний перелом подростка – смена первоначальных наивных представлений живым и вдумчивым восприятием «всех впечатлений бытия». К 1806 году от неповоротливости и молчаливости ранних лет не остается и следа. По позднему свидетельству его отца, мальчик «оказывал большие успехи в науках и языках и, еще в ребячестве, отличался пылким нравом, необыкновенной памятью и, в особенности, наблюдательным не по годам умом».

К этому переломному времени относится и знаменательная запись в автобиографической программе Пушкина: *ранняя любовь*. Об этом событии с теплом и увлечением вспоминал поэт в лицейских стихах 1815 года:

Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая Сушкова?

² M o n b r o n. Henriade travestie.

Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.

Фамилия в этих стихах проставлена исследователями Пушкина – сам он скрыл ее под тремя звездочками. Но это, несомненно, Софья Николаевна Сушкова, дочь литератора, в семье которого часто бывал «маленький Пушкин». Она родилась в 1800 году (скончалась в 1848). Впечатление от этого детского увлечения вскоре заслонилось другими, более сильными и яркими, породившими знаменитые элегии и послания. И все же «друг сердца, милая Сушкова» запомнилась навсегда (программа записок составлялась в тридцатые годы); эта московская девочка, о которой мы знаем так мало, была первой вдохновительницей интимной лирики Пушкина, в будущем великого «певца любви, певца своей печали». В душевной биографии Пушкина встреча на детских балах с маленькой Соней Сушковой остается памятной датой.

Новый опыт жизни расширяет духовный горизонт. Чтения и диспуты развивают мысль подростка. Он начинает понимать, что литература не просто мирное сплетение рифм, а непрерывная борьба, столкновение мнений, нападение и защита. Сильные поэтические образы могут вооружать к битве, а меткий стих убивает противника. Об этом говорили друзья Карамзина, с насмешкой и презрением отзываясь о своих антагонистах – Шишкове, Хвостове, Шаховском. Жизнь литературы напоминает войну, и, чтобы победить, необходимо дружно идти в ногу с армией единомышленников, осыпая противника всеми стрелами сатирической полемики.

Из родного дома Пушкин вынес богатые речевые впечатления. Бабка Ганнибал славилась замечательным знанием русского языка, а по сложным обстоятельствам своей личной жизни могла обогащать свои рассказы о прошлом рядом терминов официального слога XVIII века, военного и морского лексикона, особыми словечками провинциального просторечия и вычурным «штилем» старинной приказной волокиты. Нянюшки, дядьки, дворовые, крепостные – все эти суйдинские, кобринские, болдинские, захаровские уроженцы – не переставали рассыпать в своих разговорах, песнях и сказках обильную и драгоценную россыпь живого народного слова. Проповедник Беликов приводил на своих уроках архаические славянские тексты. Рядом с торжественными классическими стихами здесь раздавались напевы Жуковского и Батюшкова. Плавные монологи трагиков, вольные размеры басен, легкие строфы «мимолетной поэзии», прихотливые рифмы народных песен – все это постоянно звучало и пело в доме, где рос Александр Пушкин. В культурных, в собственно поэтических и чисто словесных впечатлениях у него не было недостатка.

И все же отроческие годы оставили у Пушкина мало отрадных воспоминаний. Недоставало душевного внимания к своеобразной внутренней жизни подростка. До сих пор невыясненные обстоятельства рано вызвали охлаждение родителей к старшему сыну, столь контрастирующее с их обожанием младшего – Льва (родился в 1805 году). Впоследствии хорошо осведомленные о всех обстоятельствах жизни Пушкина, его начальники по Коллегии иностранных дел сообщали в официальном документе: «Исполненный горестей в продолжение всего своего детства, молодой Пушкин покинул родительский дом, не испытывая сожаления. Его сердце, лишенное всякой сыновней привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремление к независимости...» Есть основание полагать, что этот отзыв был подсказан Карамзиным, пытавшимся в то время смягчить участь ссылаемого поэта. Немного позже знавший членов семьи и личных друзей поэта Анненков уверенно сообщал, что до самого 1815 года родные смотрели подозрительно на творческие занятия Александра:

«Поэзия молодого Пушкина казалась шалостью в глазах близких ему людей и встречала постоянное осуждение».

Внимание и оценку он встречал у посторонних, подмечавших в начинающем поэте черты необычайной одаренности. Замечательный педагог Реми Жиле как-то обратил внимание на сына Сергея Львовича, жадно слушавшего салонных поэтов и ораторов: «Чудное дитя! Как он рано все начал понимать».

Такая оценка свидетельствует о том теплом внимании к детской личности, которого Пушкин не встречал со стороны своих родителей. Детство его, как и вся последующая жизнь, не дало ему спокойных и прочных радостей. Рано возникли тревоги и запросы выдающейся творческой натуры, смутно томившие душу и не встречавшие отклика. Непонимание и одиночество были его уделом уже в родительском доме.

Но отсюда же он вынес и свои первые влечения к свободе. В отцовской библиотеке он познакомился с лучшими образцами русской и мировой поэзии и незаметно воспринял скептическую мысль старинного «вольнодумства». У старших он не встречал задержек свободному развитию этих новых смелых идей о природе и обществе. Сторонники передового литературного движения, ценители логики и муз, питомцы Просвещения, они создали благоприятную атмосферу для развития начинающего поэта. От них услышал он имена Вольтера и Радищева, навсегда завоевавшие его сердце.

Вот почему из отцовского дома Пушкин вышел свободным от какого-либо преклонения перед «алтарем» и «троном». «Страстное стремление к независимости» уже в детстве становится основной чертой его характера.

V ОТКРЫТИЕ ЛИЦЕЯ

1

Вопрос об определении Пушкина в учебное заведение выяснился сравнительно поздно, когда будущему поэту шел уже тринадцатый год. Сергей Львович первоначально остановил свое внимание на петербургском коллегииуме иезуитов. Но в начале января 1811 года было опубликовано правительственное постановление о новооткрывающемся учебном заведении – Царскосельском лицее. Это в корне видоизменило воспитательные планы Сергея Львовича.

В своей организации и деятельности лицей отражал основные черты правления и личности Александра I, которого Пушкин впоследствии не раз заклеяет своим сатирическим стихом за его двоедушие, «двуязычье» и «противочувствия». Этот «арлекин», по меткому выражению поэта, то есть шут в лоскутном и пестром одеянии, всегда стремился в своей политике балансировать на крайностях, пользоваться советниками противоположных убеждений и в результате демонстрировать новейшие передовые идеи при неуклонном усилении своей самодержавной власти. Так строилась и его «просветительная» система, проводившая под покровом либеральных фраз борьбу с «разночинцами и смердами». Все это вызывало глухой протест в передовых кругах русского общества.

Тем эффективнее следовало обставить задуманный при дворе своеобразный династический университет для подрастающих царских братьев (Николая и Константина), где в условиях общей школы великие князья, окруженные знатными сверстниками, слушали бы публичные лекции знаменитых профессоров. Лагарпов «Лицей», или «Курс древних и новых литератур», должен был перевоплотиться в царскосельском павильоне екатерининского дворца в аристократический институт высшего типа.

Учреждение лицея преследовало важные политические цели и ставило себе основной задачей воспитать новое поколение русских людей в духе, враждебном идеям французской революции. Но в обсуждении проекта нового учебного заведения приняли участие, согласно испытанному методу царя, два советника противоположных направлений: один из самых передовых деятелей александровского правительства Сперанский и мрачнейший реакционер Жозеф де Местр. Первый стремился распространить на лицей постановления учебных уставов 1804 года о всеобщности учащихся, равных перед кафедрой учителя. Второй отстаивал в своих письмах к министру народного просвещения Разумовскому принципы иезуитского воспитания, предназначенного для высшей знати и основанного на монашеском послушании и взаимных доносах с целью выработки всепослушного слуги алтаря и трона.

Оба направления скрестились в уставах и программах лицея и вскоре отразились в его пестром быту и эклектическом преподавании. Но любимец царя Сперанский уже с лета 1811 года находился в фактической опале, а мистицизм царя, укрепившийся летом 1812 года, сказался на усилении религиозно-нравственных и иезуитски-полицейских принципов в управлении лицеем. Равновесие явно нарушилось, но двуликий александровский стиль все же устоял в необычайном сочетании лицейского вольномыслия с теориями «божественного откровения» и тираноборческих призывов политической кафедры со шпионской деятельностью обскурантов-надзирателей.

Скроенный из таких противоречий лицей мог легко превратиться в реакционнейший монархический институт. Но этого не случилось. Более того, произошло обратное. Жизнь

с ее неуклонным стремлением размывать своими бурными «вешними водами» всяческий застой опрокинула этот проект заповедного питомника царских министров. Среди профессоров оказался передовой мыслитель, декабрист по убеждениям, друг Николая Тургенева – Куницын; среди воспитанников – будущий великий поэт, «пророк свободы» Пушкин; а рядом с ним вырастал и его «друг бесценный», вскоре один из отважных борцов на Сенатской площади 14 декабря, приобщивший к революционному движению Рылеева, – Иван Пущин. Эти три имени определили подлинную умственную жизнь лицея. Новые идеи опровергли все предназначения его учредителей и преобразили их мрачный монастырь в вольное братство молодой мысли и освободительных стремлений, из которого вышли лучшие люди поколения, ставшие величайшей честью своей родины.

Так учреждался «пушкинский» лицей. Обнародованное 11 января 1811 года постановление о новой школе ставило ее под особое покровительство царя, в непосредственное ведение министра народного просвещения; задачей нового учреждения объявлялось образование юношества, «особенно предназначенного к важным частям службы государственной». В программах отсутствовало естествознание, но наряду с науками историческими и «нравственными» видное место уделялось изучению языков и «первоначальным основаниям изящных письмен».

Важнейшим условием для осуществления намеченной программы являлась, естественно, личность директора будущего лицея. На этот пост был выдвинут В. Ф. Малиновский, выполнявший до тех пор скромные обязанности в архивах и консульствах. Он оказался кандидатом влиятельной группы петербургских «мартинистов», занимавших видные государственные должности и пользовавшихся доверием царя. В то время эти высокопоставленные мистики вели активную политику и старались проводить на ответственные посты близких им людей. Сам Малиновский в молодости был причастен к легальному «либерализму», что не мешало ему мечтать об организации в России библейского общества и много писать на «божественные» темы. В 1803 году он издавал еженедельные листки «Осенние вечера», в которых трактовал вопросы политики с религиозной точки зрения, предвзято основы будущего Священного союза. Все это подготавливало особую атмосферу лицейского преподавания, с которой пришлось вскоре вступить в борьбу наиболее передовым воспитанникам.

2

Месяца через полтора после появления публикации о лицее Сергей Львович подает соответствующее прошение министру народного просвещения и вскоре получает извещение о разрешении его сыну подвергнуться вступительным испытаниям.

Как раз к этому моменту обострилась борьба литературных партий, и активные выступления Василия Львовича потребовали его поездки в Петербург. Предстоящее путешествие попутно разрешало и вопрос о доставке на лицейский экзамен Александра. Дядя Василий брал его с собой.

В Петербурге В. Л. Пушкин вошел в литературный кружок прежнего баснописца, а теперь министра юстиции Дмитриева. Василий Львович бывал здесь нередко в сопровождении своего юного племянника. Здесь выступали «очистители языка» и воинствующие сторонники нового слова Блудов и Дашков. В их увлекательные дискуссии много знаний и метких наблюдений вносил третий завсегдатай Дмитриева – Александр Тургенев, такой же противник шишковской славянины. По своему служебному положению в министерстве народного просвещения этот старинный друг Сергея Львовича много содействовал поступлению его сына в открывающийся лицей.

12 августа «недоросль Александр Пушкин» был доставлен на Фонтанку в обширный дом министра народного просвещения Разумовского. Пушкин отвечал по русской и фран-

цузской грамматике, арифметике и физике, истории и географии, получив отметки «очень хорошо», «хорошо» и «имеет сведения»; высшего балла «весьма хорошо» он не удостоился, но зато и не получил отметки «преслабо», как некоторые другие кандидаты.

Открытие лицея состоялось в четверг 19 октября 1811 года. В полном согласии с правилами де Местра родители учеников не были допущены на торжества, зато были приглашены члены Государственного совета и «Святейшего синода». Царская семья прибыла во главе с Александром I. Начальство старалось подчеркнуть государственный характер новой школы, ее неразрывную связь с главой верховной власти и высшим органом церковного управления. Весьма знаменательным было отсутствие на торжестве Сперанского и присутствие его соперника Аракчеева, который вскоре начнет оказывать на лицей свое тяжелое давление.

Присутствуя на празднике, Пушкин впервые ощутил тот глубоко чуждый ему казенный штамп, к которому навсегда сохранил самую искреннюю и глубокую неприязнь.

Великолепный и пышный дворец Растрелли соединялся крытой галереей с прекрасным домом простого и строгого стиля, отведенным под лицей. Это был так называемый «новый флигель», отстроенный для внушек Екатерины по проекту архитектора Ильи Неелова и перестроенный для нужд лицея выдающимся русским зодчим В. П. Стасовым.

После торжественного богослужения открылась в конференц-зале светская часть празднества. Прочитанные здесь официальные документы и приветствия весьма мало соответствовали литературным вкусам Пушкина. Его новые наставники изъясняли свои мысли тем устарелым, напыщенным церковнославянским языком, который был так решительно отвергнут передовой поэтической школой.

Вся церемония, казалось, продолжала церковный обряд. Два адъюнкт-профессора, раскрыв огромный фолиант в золотом глазетовом переплете с царским вензелем и двуглавым орлом, с торжественным видом держали его перед директором департамента Министерства народного просвещения Мартыновым, который зачитывал высоким надтреснутым голосом грамоту, дарованную лицей. Пушкину казалось, что здесь намеренно приводят образцы комического старого слога («ныне отверзаем новое святилище наук» и пр.).

Сейчас же после Мартынова выступил директор лицея Малиновский. Этот скромный чиновник, любивший переводить Библию и Псалтырь, совершенно растерялся, впервые выступая в «высочайшем» присутствии. Прерывающимся от волнения голосом он читал по бумажке написанное кем-то приветствие. Торжественному славянизму стиля вполне соответствовал и верноподданнический тон речи.

Гораздо увереннее выступил конференц-секретарь лицея профессор русской и латинской словесности Кошанский. Он был воспитанником Московского университетского пансиона, окончил два факультета, имел ученые степени «изящных наук магистра и философии доктора». Кошанский переводил греческих поэтов, считался прекрасным декламатором и хорошо владел своим голосом. Именно ему было поручено представить царю всех служащих и воспитанников лицея.

В гулкой тишине конференц-зала из уст Кошанского впервые прозвучало имя Александра Пушкина. Из группы школьников вышел «живой, курчавый, быстроглазый мальчик» и с установленным поклоном приблизился к столу между двумя колоннами, где расположились высокие гости.

Александр I впервые увидел Пушкина.

Вслед за обрядом представления выступил адъюнкт-профессор Куницын, прочитавший свое «Наставление воспитанникам Царскосельского лицея». После дребезжащего дисканта Мартынова и прерывистого шепота Малиновского «чистый, звучный и внятный голос» нового оратора приковал всеобщее внимание.

Куницын впоследствии сыграл несомненную роль в развитии передовых общественных идей лицеистов, и это послужило возникновению некоторой легенды о его пер-

вом выступлении. Следует восстановить подлинную картину. Сохранившийся текст его «Наставления» служит лучшим доказательством того, как стеснен был официальными требованиями молодой ученый и как он был вынужден подчиниться принятому шаблону выступления в «высочайшем присутствии».

Профессор нравственных наук должен был сохранить в своем слове все приемы старинного красноречия с его риторическими вопросами и торжественными возгласами («сие святилище», «се дети ваши, мои возлюбленные чада» и пр.).

Но его молодость, талант и преданность свободе преодолели архаичность казенного славословия и неожиданно прорвались в бодром тоне его речи, призывавшем не к верно-подданности и раболепию, а к гражданскому служению Родине. Эта окрыляющая интонация речи Куницына, проникнутая высоким патриотизмом передового мыслителя, зачаровала юных слушателей и запомнилась ими навсегда. «Вы помните: когда возник лицей», – взволнованно спрашивал через четверть века Пушкин своих первых товарищей.

И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Так запомнилось 19 октября 1811 года. Среди безмолвствующих высокопоставленных посетителей звучит вдохновенный голос молодого ученого, словно возвещающий близкую годину Отечественной войны, раскрывшей всему миру героизм «великого народа».

Речь Куницына оказалась первым событием в жизни лицея. Живое чувство и ораторский дар молодого адъюнкта как бы стерли установленные штампы официального текста и дошли до самого сердца молодой аудитории.

Но в остальном открытие лицея отзывалось церемониальной проповедью и никак не могло увлечь раннего вольнолюбца, уже оценившего прекрасную простоту и силу поэтического слова в его способности выражать искреннюю и свободную мысль.

Празднество продолжалось обедом в присутствии гостей и закончилось иллюминацией. На балконе дворцового флигеля светился транспарант, изображающий вензель «августейшего основателя лицея» среди цветочных гирлянд, лавров и миртов.

От придворного торжества веяло холодом и скукой. Но вокруг расстилались сады, разбитые замечательными мастерами парковой архитектуры. Пушкина влекло в эти рощи, украшенные статуями, к этим озерам, отражающим мраморные обелиски. Его пленял осенний северный пейзаж, несколько матовый и унылый, но оживленный созданиями стройного классического искусства. Пушкин всегда считал, что именно здесь, в этих «садах лицея», к нему впервые стала являться Муза.

3

10 декабря 1811 года Василий Львович впервые посетил своего племянника в лицее. Он нашел его сильно изменившимся. Мальчик был облачен в синий мундир с красным воротником и золотыми пуговицами, придававший ему странно официальный вид. Недавний беспечный участник детских игр в бутурлинском саду принадлежал теперь к маленькой замкнутой общине с ее особыми нравами и правилами поведения. Он пил за обедом портер, как кембриджский студент, состоял под надзором *тьюторов*, то есть профессоров, не прекращавших общения с учениками и вне классов, носил по праздникам белый жилет и треуголку,

учился фехтовать на эспадронах. Вместо просторной детской в особняке у Язуы он занимал теперь небольшую комнатку на четвертом этаже дворцового флигеля, полуотгороженную от такой же соседней кельи легким простенком с решеткой под потолком. Выработывая внутренний распорядок жизни лица, министр Разумовский, наряду с некоторыми обычаями английских колледжей, ввел порядок католических закрытых школ с их строгой ночной изоляцией воспитанников; на этом особенно настаивал Жозеф де Местр.

В таких одиночных камерах была расселена ватага подростков, принадлежавших не столько к «знатым фамилиям», сколько к среднему служилому дворянству. Несколько аристократов и несколько разночинцев (по своим дедам) не могли видоизменить основную социальную физиономию первого лицейского курса. Среднее дворянство – слой, к которому принадлежали Радищев, Карамзин, Дмитриев, Батюшков, – начинало строить русскую литературу, а в лице некоторых своих представителей и вырабатывать оппозиционные идеи.

Неудивительно, что среди лицейстов оказалось несколько поэтов, открывших между собою литературные соревнования. Юные школьники стали издавать рукописные журналы, печататься в крупнейших изданиях, а несколько позже принимать участие и в некоторых вольных политических кружках. Это была совершенно новая идейная и творческая атмосфера, сильно подвинувшая развитие Пушкина-поэта.

Впоследствии отец его совершенно правильно отмечал: «Нет сомнения, что в лицее, где он в товарищах встретил несколько соперников, соревнование способствовало к развитию огромного его таланта».

Первым из этих соперников был Илличевский. Уже осенью 1811 года он состязается с Пушкиным в написании баллады, вероятно, по образцу «Людмилы» или «Громобоя» Жуковского.

Вскоре эти случайные литературные соревнования принимают регулярный характер. В конце 1811 или в самом начале 1812 года состоялось первое открытое состязание лицейских поэтов. Это случилось на уроке профессора русской и латинской словесности Кошанского.

Товарищ Жуковского по Московскому университетскому пансиону и приятель Батюшкова, он был одним из лучших знатоков античной литературы в России. Кошанский переводил древних рапсодов, сам писал стихи, был в курсе современной лирики и нередко читал на своих лекциях новейших поэтов. Влияние его стихотворных переводов сказалось на антологических опытах Батюшкова, а впоследствии и Пушкина.

Приобщение лицейстов к науке и практике стихотворства входило в круг педагогических обязанностей Кошанского, и он с полным вниманием отнесся к этой проблеме. Он дружески работал над первыми рукописями своих слушателей, стремясь возбудить в них интерес к самостоятельному поэтическому творчеству. Для первого состязания в поэзии Кошанский предложил первокурсникам одну из тем, намеченных в соответственном разделе его «Реторики» (фиалка, лилия в пустыне, роза). Там же были приведены стихи Державина:

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипок;
Вдруг от мороза
В лоне уснула,
Свянул цветок.

Вероятно, такого же небольшого стихотворного фрагмента ожидал Кошанский и от своих слушателей.

Бесспорным победителем состязания, по позднейшему свидетельству И. И. Пущина, вышел Пушкин. Он, видимо, побил рекорд как быстротой исполнения («Пушкин мигом про-

чел два четверостишья...»), так и высоким качеством своих куплетов («которые всех нас восхитили»). Кошанский заинтересовался опытом и унес его с собой.

Этот ранний набросок Пушкина не дошел до нас. Но та же тема Кошанского разрабатывается поэтом в 1814–1815 годах в прелестных французских стансах «*Avez vous vu la tendre rose...*» («Вы нежную видали ль розу...») и в коротеньком лирическом стихотворении «Где наша роза?», в котором нет и тридцати слов и где трактовка образа поражает лиризмом и живописностью.

Дальнейшее свидетельство Пущина – «наши стихи вообще не клеились» – вызывает некоторое сомнение. Ведь среди участников турнира находилось еще несколько даровитых поэтов. Здесь был Илличевский, который рано стал мастером малых жанров – надписей, мадригалов, описаний – и славился именно легкостью своего стихотворчества. В 1815 году в журнале «Кабинет Аспазии» он поместил довольно звучное стихотворение «Роза». В начале курса он даже считался первым поэтом лица.

В классе Кошанского находился и Дельвиг, написавший в 1814 году стихотворение «Фиалка и роза». Он с малых лет отличался «живописью воображения» и поразил Пушкина своим вымышленным рассказом об участии в походе 1807 года, когда он якобы следовал в обозе за воинской частью своего отца.

Ленивый в классах, Дельвиг тщательно изучал поэтов. «С ним читал я Державина и Жуковского, – вспоминал впоследствии Пушкин, – с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит...» Дельвиг первый выказал подлинное поклонение пушкинскому дарованию, когда оно только возникало, и, видимо, глубоко тронул начинающего поэта этой влюбленностью и беззаветной верой в его гений. Ни к кому из своих литературных друзей Пушкин не относился с такой нежностью, как к Дельвигу, высоко ценя его пленительную личность и благородный стих. Только «две музы», по его позднему выражению, слетали в лицейский круг, только автор «Дориды» представлялся ему родным и подлинным поэтом среди других школьных стихотворцев.

Иначе относится Пушкин к другому лицейскому поэту – Кюхельбекеру. Уже в одном из первых рукописных журналов царскосельских воспитанников, «Вестнике», в номере от 3 декабря 1811 года был помещен стихотворный перевод с французского за подписью Кюхельбекера («Страх при звоне меди...»). Странное по форме и содержанию стихотворение дало обильный материал для насмешек и эпиграмм. В начале курса маленький «Виля», учившийся в Лифляндии, еще не вполне овладел русским стихом: ему предстояла длительная и упорная борьба с материалом слова, чтоб со временем выразить свое необычное миро-созерцание в сложных строфах особого поэтического стиля, намеренно архаического, но достигающего подчас подлинной поэтической мудрости. Эти черты его своеобразного дарования рано стали предметом товарищеских шуток, чему отчасти способствовала рассеянная и нескладная фигура лицейского «мечтателя». Но это не мешало товарищам высоко ценить возвышенный и благородный характер Кюхельбекера, его большую начитанность, культ поэзии, прекрасное знакомство с германской литературой. В ряду лицейских лириков он представлял собой, если не по дарованию, то по характеру и убеждениям, наиболее законченный тип романтического поэта, способного жить исключительно своими вдохновениями и отважно грести против течения.

Пушкина отводило от Кюхельбекера и разное направление их творческих исканий; поклонник точного и четкого слова, Пушкин не мог принять архаические опыты в торжественном старинном стиле. Отсутствие легкости в писании стихов обращало Кюхельбекера к сложным размерам, в тяжеловесности которых он ощущал некоторое соответствие своей ранней манере мыслить и выражаться. К темам современной лирики Кюхельбекер пробовал применять гекзаметр, отстаивая преимущество этого сложного размера перед легкими или «простыми» ритмами хорея или ямба, рано полюбившимися Пушкину. По таким вопро-

сам стихосложения происходили, видимо, жаркие споры между сторонниками двух поэтических направлений, свидетельством чему может служить пушкинская эпиграмма 1813 года «Несчастье Клита»:

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки
пишет,
Противу ямба, хорей злобой ужасною дышит...

Она свидетельствует о том, что лицеисты младшего курса спорили о трудных проблемах античной и новой метрики в ее применении к русскому стиху и что в этих спорах Пушкин и Кюхельбекер занимали непримиримые позиции.

Только выйдя из лицея, Кюхельбекер проявил себя полностью и вызвал глубокую симпатию Пушкина мужественным характером и трагической судьбой.

Среди лицеистов были еще два поэта: Корсаков и Яковлев; оба оказались и весьма талантливыми музыкантами.

«Трубадур» Корсаков был одним из инициаторов литературного кружка в лицее, издателем первых лицейских газет и журналов; более всего он ценился товарищами как певец, виртуоз на гитаре и композитор. Посвященная ему Пушкиным строфа в «Пирующих студентах» как бы отзывается «гитары тихим звоном».

Еще разностороннее и ярче было артистическое дарование Яковлева. Дружеские клички – «паяц», «буффон», «проказник», «музыкант», «песельник» – свидетельствуют о живом актерском даровании этого юноши с подвижным лицом и замечательными мимическими способностями. Он блестяще изображал всех лицейских профессоров, начальников и царскосельских жителей – от министра Разумовского до колченогого дьячка. Искрящаяся веселость Яковлева была по сердцу Пушкину.

Эти лицейские музыканты немало способствовали широкой популяризации стихов своего товарища-поэта. Корсаков положил на музыку начальные строфы стихотворения «О Делия драгая» и стансы к Маше Дельвиг. Яковлев дал музыкальную композицию текста «Дитя харит». Все это распевалось в лицее и в царскосельских домах, где первые строфы Пушкина приобрели известность в форме романсов, написанных его друзьями.

В литературных занятиях принимал также участие «первый ученик» лицея Горчаков. Он пробовал свои силы в прозе, интересуясь преимущественно историческим жанром (впоследствии он пользовался репутацией дипломата, искусно владевшего пером). В том же историческом роде выступал и один из ленивейших лицеистов, проявивший заметную активность лишь в «издании» журналов, – Константин Данзас.

Уже в первый год пребывания в лицее раскрылись вкусы и склонности подростков: Илличевский принес в школу начитанность в старой русской поэзии и некоторый первоначальный опыт в стихотворчестве, Дельвиг – свою любовь к древним мифологическим образам, Кюхельбекер – влюбленность в поэзию эпохи «бури и натиска», Пушкин, вместе с замечательным знанием передовых писателей XVIII века, – их основное стремление освободить человеческую мысль от всех феодальных предрассудков.

Столкновение этих вольных творческих устремлений с цепкой системой казенного ханжества и сыска, процветавшей в лицее, не замедлило сказаться. Неуклонная тенденция начальства подавлять неудержимое стремление подростков к независимости своих воззрений и мышления создавала беспокойную, подчас даже тревожную атмосферу, приводившую к недоразумениям и конфликтам. Впечатлительный и вспыльчивый Пушкин часто испытывал гнетущую тяжесть такой среды и не мог в ней спокойно ужиться. По свидетельству его друга Пушина, поэт-лицеист, совмещавший в своем характере «излишнюю смелость с

застенчивостью», нередко «ставил себя в затруднительное положение». В этом сказывалась высокоодаренная личность, это выпрямлялся открытый характер поэта, идущий вразрез с условностями и правилами казенного общежития, готовый бунтовать против его официального уклада и лицемерных форм благоприличия.

По ночам, когда все засыпали, два друга вполголоса обсуждали сквозь перегородку своих камер какой-нибудь случай протекшего дня, глубоко взволновавший Пушкина и вызывавший в ночном безмолвии его сомнения, сожаления или мучительные вопросы. Уже в лице Пушкина испытывал, пока еще в начальных формах, то состояние бичующего самоанализа, которое впоследствии с такой исключительной силой он запечатлел в стихотворении «Когда для смертного умолкнет шумный день...»

Эти ночные беседы были исполнены покаянных жалоб и скорбных признаний, облитых горькими слезами. Добрейшему Пушкину приходилось изыскивать утешительные аргументы для утolenия душевной боли своего друга.

В этих полуночных переговорах одинаково раскрывались характеры двух друзей. Здесь полностью сказывались черты напряженной душевной жизни Пушкина, как и редкие свойства отзывчивости, доброжелательности и участия, свидетельствовавшие о светлом уме и горячем сердце благороднейшего Пушкина. Более всех он открыл своему гениальному другу ценность и поэзию дружбы.

От лицейских невзгод Пушкин находил утешение в поэтических занятиях. Вопреки своим высказываниям о «беспечности» и «лености» певцов он уже в лице трудится не только над собственными опытами, но и над изучением литературных образцов. Слова его о Дельвиге, который «знал почти наизусть» обширнейшую антологию русской поэзии, изданную Жуковским, вероятно, в большей степени применимы к нему самому: феноменальная память Пушкина поражала его товарищей и наставников.

Названный им пятитомный свод русской поэзии от Кантемира до 1810 года чрезвычайно раздвинул пределы ранней начитанности Пушкина и раскрыл ему новые богатства поэтического языка.

Расширяется область его замыслов и планов: в сотрудничестве с веселым шутником Яковлевым он пишет комедию для домашнего театра – «Так водится в свете», самостоятельно начинает роман в прозе «Цыган», комедию в стихах «Философ» и несколько позже повесть «Фатам, или Разум человеческий». Все это еще носит характер первых ученических упражнений, незавершенных и вскоре позабытых, но уже незаметно накаплиются средства и опыт для более свободного и самобытного творчества.

VI «ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

1

Лицей открылся в напряженный момент международного положения. В те самые дни, когда у министра народного просвещения экзаменовали маленьких кандидатов в новую школу, до Петербурга дошли вести о предстоящем разрыве России с Францией.

Как вскоре выяснилось, на торжественном приеме дипломатического корпуса в день своих именин 3 (15) августа 1811 года Наполеон обратился к русскому представителю Куракину с обвинениями и угрозами по поводу военных приготовлений Александра I. Эта беспримерная демонстрация была понята присутствующими послами как негласное объявление войны, которое не замедлит стать открытым и окончательным.

Инцидент в Тюильрийском дворце получил широкий отзыв в русском обществе. Пушкин с поразительной исторической точностью отметил через четверть века, что в тот момент, «когда возник лицей», Наполеон уже грозил Александру I, хотя еще колебался в своем решении ринуться на Россию.

«В конце 1811 года уже поговаривали о войне с Наполеоном», – вспоминал в 1831 году Пушкин. С начала 1812 года неминуемость столкновения становится очевидной для всех. В январе Наполеон заключает военные союзы с Австрией и Пруссией. В феврале французские войска переходят Эльбу и Одер, неуклонно направляясь к русской границе. В марте царский манифест о рекрутском наборе открыто возвещает о военной опасности. В апреле посол Куракин потребовал свой паспорт для отъезда из Франции.

К лету события принимают катастрофическую стремительность. По определению лицейского профессора истории Кайданова, «Наполеон, стремясь к основанию всемирной монархии, предположил сокрушить Россию, как последнюю преграду, предстоящую честолюбию его. И в то время, когда Европа была еще в недоумении и в размышлении о будущей своей участи, миллионы народов, двинутые как бы чародейственной силою, заволновались. Наполеон, подкрепляемый двадцатью своими союзниками и собрав 580 000 войска и множество военных орудий, перешел через Неман и вступил в Россию, увлеченную, как он говорил, своим неизбежным роком...»

16 (28) июня Наполеон въезжал в Вильно.

Мальчики, собранные в лицее, не могли, конечно, охватить всех сложных причин начавшейся кампании; но и подросткам, как всему русскому обществу, было ясно, что завоеватель с мировыми притязаниями стремился к национальному порабощению России для создания всемирной монархии под своим безграничным владычеством.

Речь шла о спасении родины от величайшего унижения и гибели. Несмотря на различные мнения в высших дворянских кругах, где имелись свои «бонапартисты», лучшие силы нации объединяются в едином порыве для отражения грозного нашествия.

Это было великим событием в жизни Пушкина. Уже в отроческие годы он почувствовал себя в эпохе и осознал призвание поэта как выражение общенациональной воли.

Большая дорога из Петербурга на юг пересекала Царское Село. Лицеисты провожали гвардейские полки, проходившие мимо здания их школы. Пушкин в 1815 году вспоминал эти восторженные проводы:

Сыны Бородина, о кульмские герои!

Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?

Он сохранил навсегда неизгладимое воспоминание об этой грозной и героической поре. Через четверть века он с волнением и гордостью писал:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Юношеские стихи Пушкина полны горячего и искреннего патриотизма, которым до конца будут охвачены его творения: готовность отдать жизнь за Родину и русский народ уже звучит господствующей темой в политической лирике лицейского периода. Ранние строки поэта возвещают его будущие знаменитые стихи о «великом дне Бородина».

Затаив дыхание следили в лицее за событиями на фронте.

Бурным темпом развертывались акты великой исторической драмы на западной равнине России. За четыре-пять недель русское командование опрокинуло намерение Наполеона разбить русскую армию у самой границы и принудить Александра I к заключению мира. «Новый Аустерлиц» не удался. Разъединенные в начале войны нелепой прусской тактикой Фуля, обе русские армии соединились 22 июля (3 августа) под Смоленском. Противник был вынужден следовать вглубь страны, так и не получив генерального сражения. За два месяца он продвинулся до Можайска, растянув линию своих коммуникаций на тысячу верст, оставив за собой дымящиеся развалины, с каждым шагом увеличивая опасности наступления и теряя последние шансы на победу.

Но верная тактика отвода армии от численно превосходящих сил Наполеона навлекает на главнокомандующего Барклая-де-Толли неудовольствие царя, генералитета и высшего дворянства. «Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, — писал впоследствии Пушкин, — казалось вовсе не таковым: не только роптал народ, ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником». Интерес к этим толкам в среде лицеистов мог углубиться и тем случайным обстоятельством, что Барклай-де-Толли был родственником Кюхельбекера. В конце августа мать Вильгельма написала сыну письмо, в котором, ссылаясь на факт дальнейшего пребывания Барклая в армии, опровергала порочащие его слухи.

8 августа происходит смена военачальников. Главнокомандующим русской армией по единодушному мнению общества и народа был назначен знаменитый любимец Суворова — Михаил Илларионович Кутузов. 26 августа (7 сентября) на дальних подступах к Москве, под Можайском, на огромной поляне у села Бородина, новый военачальник дает генеральное сражение Наполеону.

Это был один из наиболее кровавых дней в истории человечества (по выражению Е. В. Тарле). То был «свободы ярый бой», как назовет его вскоре Пушкин, рано понявший освободительный смысл Отечественной войны. «И россы пред врагом твердыней грозной стали», — описывает он Бородинский фронт.

Впервые в поэзии Пушкина выступает величественный образ Кутузова, взявшего на себя ответственность за сражение с Наполеоном, а вскоре затем и за спасение русской армии ценою отхода от Москвы:

Не здесь его сразил воитель поседелый;
О Бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях галл Кремля!..

«Уступкой столицы мы приготовим гибель неприятелю», – уверенно писал Кутузов после военного совета в Филях. Это безошибочное решение выдающегося стратега отразилось вскоре в бодрой солдатской песне: «Пусть Москва в руках французов. Это, право, не беда! Наш фельдмаршал князь Кутузов их на смерть пустил туда!»

Но непоколебимое убеждение главнокомандующего и его армии не разделялось обществом, встревоженным грозным расширением театра войны.

«Не могу не вспомнить горячих слез, которые мы проливали над Бородинскою битвой и над падением Москвы», – сообщает в своих воспоминаниях Корф. Дельвиг написал свою «Русскую песню», выражавшую патриотическое воодушевление всей лицейской молодежи. Пушкин через два года даст проникновенный очерк событий в торжественной оде, а значительно позже изобразит патриотический подъем 1812 года в «Рославлеве»: героиня повести восхищена подвигами своего народа в его титанической обороне Отечества: «О, мне можно гордиться именем россиянки!»

По мере развития хода событий обрисовывались личности русских полководцев 1812 года, тесно связанные с крупнейшими боевыми эпизодами и незабываемыми актами мужества. Так, 11 июля генерал Раевский в разгаре упорного боя с маршалом Даву за подступы к Могилеву взял за руки двух своих сыновей-подростков и пошел с ними на неприступную батарею при Салтановке, закричав войскам: «Вперед, ребята!.. Я и дети мои укажем вам дорогу». Войска бросились за ним, и батарея была взята. Пушкин писал об этом в 1829 году в некрологе генерала Раевского.

Могло запомниться также имя участника суворовского похода в Италию генерала Милорадовича, который принудил французское командование заключить перемирие на 24 часа для вывоза из Москвы обоза и оставшейся артиллерии. А через месяц тот же Милорадович заявлял начальнику французского авангарда Мюрату, что в России война с французами разрослась в народную войну.

Уже к концу сентября стало ясно, что план оборонительной кампании привел к намеченным результатам. «Неприятель, теснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужден был очистить Москву 11 (23) октября», – сообщали очередные реляции.

«Россия спасена!» – воскликнул Кутузов.

«Какое взамен слез пошло у нас общее ликование, когда французы двинулись из Москвы!» – записал в своих мемуарах Корф.

Через девять лет, в момент смерти Наполеона, Пушкин увековечит могучими стихами истоки гибели завоевателя, восходящие к осени 1812 года:

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья!
Окровавленные снега

Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

В победе русских Пушкин видит «длань народной Немезиды».

Но уже в 1812 году в сознании подростка складывается представление об идеальном полководце, освобождающем Родину от иноземного нашествия. Поднявший на новую высоту боевую славу русского народа, Кутузов навсегда останется в сознании Пушкина национальным героем, образ которого он отчеканит через два десятилетия в победный барельеф неизгладимой четкости и мощи.

2

В осенние месяцы 1812 года на всех путях неприятеля разгоралась партизанская война, начавшаяся еще под Смоленском. Незадолго до Бородина Кутузов дал подполковнику и поэту Денису Давыдову небольшой отряд гусаров и казаков для набегов в тыл врага. Всадники с помощью вооруженных крестьян стали наносить страшные удары французам. Пушкин уже в лицее высоко ценил поэта-партизана за «резкие черты неподражаемого слога» и даже говорил впоследствии, что «в молодости старался подражать Давыдову в кручении стиха и усвоил себе его манеру навсегда». В 1816 году в стихотворении «Наездники» он изображает давыдовских партизан.

Еще 27 октября 1812 года Александр Тургенев писал П. Я. Вяземскому, что зарево Москвы и Смоленска «осветит нам путь к Парижу».

К концу года русская армия уже стояла на всем протяжении своей западной границы. 1 (13) января 1813 года она перешла свои рубежи для окончательного сокрушения Наполеона владычества. Открывалась освободительная кампания 1813–1814 годов.

С самого начала Отечественной войны вся литературная жизнь страны преобразилась. За эти тревожные месяцы Пушкин познакомился с образцами незнакомой ему прежде, совершенно особой «словесности». Приказы по армии, реляции, бюллетени, рескрипты, донесения командующих, воззвания к народу, патриотические статьи и проповеди совершенно заполнили русские журналы и газеты. Лицейский профессор А. П. Куницын напечатал в «Сыне отечества» патриотическое воззвание, раскрывавшее освободительный смысл разразившейся войны. Время внезапно и повелительно создало новые виды письменности, которые сразу же приняли первые поэты страны – Жуковский, Батюшков, Крылов. Знаменитые басни о французском нашествии получили широкое распространение в действующей армии, где их читал войскам сам главнокомандующий.

К концу года в «Вестнике Европы» появилась ода Жуковского «Певец во стане русских воинов». Эта восторженная речь певца, сопровождаемая хором воинов, облекла в краткие формулы исторические характеристики героев. Кутузов, Ермолов, Милорадович, Витгенштейн, Платов, Коновницын, Воронцов и особенно Раевский – вся эта плеяда современников получала в стихах Жуковского исторический ореол. Особая хвала звучала партизанам – Денису Давыдову, Сеслаину, Фигнеру. Вечная слава провозглашалась павшим в сражениях – Багратиону, Кутайсову, Кульневу. «И ты, и ты, Багратион... Добыча лютой битвы!..» Сильное патриотическое впечатление производили и похвалы героям прошлого – Святославу, Дмитрию Донскому, Суворову, Петру I.

Пушкин, несомненно, был увлечен этим вдохновенным патриотическим дифирамбом. В 1814 году он обращается к Батюшкову:

...С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.

В 1830 году он назвал «Пэан 12 года Жуковского» среди нескольких произведений, которые «наша словесность с гордостью может выставить перед Европою».

Отголоски «Певца во стане русских воинов» довольно явственно различимы в некоторых «батальных» стихотворениях лицейского периода.

Одним из первых описал разоренную Москву Батюшков в стихотворном послании «К Дашкову» («Мой друг! Я видел море зла...»). Это одно из лучших стихотворений о войне 1812 года по глубине трагического чувства и живой непосредственности его выражения. Образы «бледных матерей», бегущих в отчаянии с грудными младенцами под заревом московского пожара, замечательно выражают ужас нашествия, запечатленный правдивой кистью большого и чуткого писателя. Пушкин высоко оценил это стихотворение и откликнулся на его резкие антитезы в своих негодующих строфах об испепеленном городе. Запомнится ему и декларативный отказ поэта от эпикурейской лирики в годину страданий Родины.

19 (31) марта 1814 года русские войска вступили в Париж. После сражения под Монмартром (в то время предместье столицы), где снова блеснули имена полководцев 1812 года: Ермолова, Раевского, Барклая, Милорадовича, французская армия отошла с передовых позиций. «Мы увидели Париж со шпагою в руках!»

В Париже росс! – где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой!
Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой,

– описывал вскоре торжество и миролюбие русской армии Пушкин.

Борьба, казалось, завершилась. 25 марта (6 апреля) Наполеон подписал свое отречение, а через две недели простился с гвардией и отбыл в изгнание на остров Эльбу.

Общее настроение лицейского братства в ту пору хорошо уловил и выразил Илличевский в одном из своих писем 1815 года: «Хвала русскому языку и русскому народу! Последняя война доставила ему много славы».

Она вскоре озарила и лицей, эта великая хвала русскому языку и русскому народу, воплощенная в битвах и подвигах незабываемой кампании. Историческое торжество России было подлинным рождением ее великого поэта. Патриотический подъем 1812 года впервые вызвал в Пушкине живое и конкретное представление о героическом народе, к которому он принадлежал и которому был призван служить своим словом. Международная драма обращает Пушкина к творческому осмыслению событий политической современности с позиций великой нации.

Тема родины получает для него новое звучание. Превыше всего уже на школьной скамье он дорожит достоинством и счастьем своего народа. В его стихах уже в 1814 году торжественно и победно начинает звучать огромная тема эпохи – всенародное преодоление иноземного нашествия. «Края Москвы, края родные, – с непосредственной сыновней нежностью обращается к полям величайших битв поэт-подросток. – И вы их видели, врагов моей отчизны! И вас багрила кровь и пламень пожирал!» Возникают первые пушкинские строфы о мировых событиях – пожаре Москвы и взятии Парижа. Впервые ставится и большая тема о призвании поэта в годину народных бедствий:

И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Так устанавливается уже в отроческие годы Пушкина его неразрывная связь с великой народной страдой.

Исторические события, потрясшие мир в годы учения Пушкина, пробудили его творческий гений. Пройдет всего несколько лет, и поэт даст свое окончательное обобщение огромных событий, надолго преобразивших облик Европы и поднявших на исключительную высоту нравственный авторитет России. Коваными, как оружие, стихами он пророчески возвестит миру, что нашествие Наполеона раскрыло героическую мощь и освободительное призвание его нации – «высокий жребий» русского народа в будущих судьбах человечества.

Когда в июне 1941 года гитлеровские полчища ринулись на Советский Союз, наши патриотические плакаты грозили агрессору стихами юноши Пушкина:

Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря...

Поэт снова возвещал победу своей Родине в беспримерной схватке народов. Перо лицеиста сама история приравняла к штыку.

VII В КЛАССАХ И КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЕ

1

Своеобразное сочетание «благочестия» и сыска, положенное в основу лицейской системы, требовало особых служащих. Необходимо было в духе иезуитских правил тщательно наблюдать за помыслами опекаемых и всячески поощрять взаимные доносы.

Для выполнения этих «наблюдательных функций» и непосредственного общения с добровольными фискалами имелись в педагогическом составе лицея, помимо профессоров, еще воспитатели второго ранга – гувернеры и их помощники. Их выбирали из случайных людей – отставных военных, бесчиновных иностранцев, мелких служащих, часто не обладавших никакой воспитательной подготовкой. Лучшие из них совмещали гувернерство с учительством, как самоучка-каллиграф Калинич, бывший придворный певчий, сумевший все же выработать у своих учеников изящную и легкую скоропись. Выделялся из этой среды и художник-самоучка Чириков, преподававший рисование по эстампам, с гипса и с натуры. Он не был лишен наблюдательности и первый из всех лицейских педагогов отметил уже в 1813 году в своей аттестации Пушкина: «имеет особенную страсть к поэзии». Чириков был автором стихотворной трагедии «Герой севера». Лицеисты любили его и охотно собирались у него на квартире для импровизации повестей, сюжет которых развивали поочередно. Пушкин рассказал здесь историю двенадцати спящих дев по «Громобою» Жуковского.

Но таких дельных классных наставников было немного. Остальные отвечали требованиям бдительного начальства. По выразительной характеристике Корфа, это были «подлые и гнусные глупцы с такими ужасными рожами и манерами, что никакой порядочный трактирщик не взял бы их к себе в половые».

Всей этой группой младших лицейских менторов ведал инспектор и надзиратель по учебной и нравственной части некий Мартын Пилецкий-Урбанович, которого директор лицея Малиновский называл своей «правой рукой». По новейшим данным, это был агент тайной полиции. Лицеист Корф оставил очень выразительный портрет этого «святоши, мистика и иллюмината», который «непременно сделал бы из нас иезуитов», если бы вовремя не был изгнан из лицея. «Со своею длинною и высохшею фигурой, с горящим всеми огнями фанатизма глазом, с кошачьими походкою и приемами, наконец, с жестоко-хладнокровною и ироническою, прикрытою видом отцовской нежности, строгостью, он долго жил в нашей памяти как бы какое-нибудь привидение из другого мира».

Как многие святоши, этот «аскет» не мог отказать себе в поклонении женской красоте: он любил высказываться на счет посетительниц лицея в праздничные дни. Эти «ласковые, но несколько фамильярные прозвания родственницам, сестрицам и кузинам, посещавшим в лицее воспитанников», вызвали всеобщее возмущение.

Пушкин стал во главе движения против инспектора. Перед всеми лицеистами и в присутствии гувернеров за общим столом во время обеда он во всеуслышание заговорил об обидах, нанесенных Пилецким родителям некоторых товарищей. Его поддержал Корсаков, а после обеда к ним примкнуло еще несколько человек. Составился целый заговор, в котором принял участие и Кюхельбекер. Несмотря на противодействие начальства, дело закончилось тем, что недовольные, собравшись в конференц-зале, вызвали Пилецкого и предложили ему уйти из лицея, угрожая в случае отказа собственным уходом. Видя, что история разраста-

ется, Пилецкий подчинился ультиматуму и променял свой пост лицейского инспектора на должность следственного пристава петербургской полиции.

Пушкин придавал этому событию значение некоторой идеологической победы. Это был поход против столь ненавистного ему мистицизма, «пиэтизма», фанатизма и всякого сектантства. В позднейшей его автобиографии эпизод этот характерно помечен: «Философические мысли. – Мартинизм. – Мы прогоняем Пилецкого». Согласно языку начала века под философией имелись в виду преимущественно идеи Просвещения. Они-то, очевидно, и вступили в борьбу с официальным мистицизмом, который сливался в то время с учением Сен-Мартена. В результате – изгнание «иллюмината» Пилецкого из вольного лицейского братства.

Атмосфера елейности и розыска оказывала на некоторых воспитанников свое действие. К официальному благочестию был причастен Горчаков, еще более Корф, известный в лицее своим пристрастием к чтению церковных книг и пению псалмов. Сильнее всего настроения эти сказались в дневнике Комовского, одного из наименее симпатичных первокурсников лицея, получившего от товарищей прозвание «ябедника и фискала». Дневник этого подростка исполнен удивительного ханжества; он не перестает писать об «ужасном иге» своих грехов, о молитвах и посте.

Но со стороны морально здоровой среды воспитанников мрачные богословские тенденции встречали решительный отпор. «Дельвиг не любил поэзии мистической, – записал впоследствии Пушкин, – он говаривал: «Чем ближе к небу, тем холоднее».

Сильнее всего, конечно, этот протест был выражен Пушкиным. И вскоре это вольномыслие неудержимо прорвалось в первых опытах его раннего творчества. Летом 1813 года была написана первая поэма Пушкина «Монах» – шутливая, вольтерьянская, сатирическая. В основу ее положена средневековая легенда о поездке епископа в Иерусалим верхом на черте:

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатый стариком...

В первых же строках Пушкин, согласно классической традиции, отдает свой труд под защиту «Фернейского старичка» и с восхищением говорит о его «Орлеанской девственнице». По примеру Вольтера Пушкин впервые обращается к пародии на «священные тексты». Сюжет «Монаха» почерпнут из четьи mineи. В характерном стиле антицерковной сатиры описывается обстановка и быт святого старца Панкратия, который готовится к смерти, якобы спасается молитвами, живет в нищете, постится круглый год, а на самом деле предается чревоугодию. Благочестивый житийный мотив получает пародийную разработку в смутившем отшельника видении женской одежды.

Монах Панкратий, изображенный пьяницей, обжорой и сладострастником, явно свидетельствует о традиции, восходящей к Рабле и Боккаччо. Характерно презрение начинающего поэта к плешивым картезианцам Парижа, «богатым кармелитам», жителям Печерской лавры, отвращение к оплоту католицизма – Ватикану с разжиревшими прелатами, которые тешатся «бургонским» и «девками». Эта антиклерикальная струя в творчестве молодого Пушкина восходит через поэтов XVIII века к литературе европейского Возрождения. Критическая мысль гуманистов приподнимает покров над бытом монастырских келий – невелика заслуга проводить ночи за пением псалмов: «что запели бы они, если б должны были ходить в дождь и бурю за плугом, как крестьяне, босиком и с еле прикрытым телом».

Эти тенденции освобождающейся мысли явственно ощущаются и в первой поэме Пушкина. В этом отношении чрезвычайно знаменательно упоминание в «Монахе» великих живописцев итальянского и нидерландского Возрождения – Рубенса, Тициана, Корреджо.

2

23 марта 1814 года скончался директор лицея Василий Федорович Малиновский. Никакого влияния на Пушкина первый директор лицея не оказал, как и на всю передовую группу лицеистов, развивавшуюся вразрез с религиозно-нравственной программой своего начальника.

Некоторое время после смерти директора лицеем управляла конференция профессоров, а с сентября 1814 года – профессор-германист Маттеус фон Гауэншильд.

Новый начальник вызвал всеобщую антипатию лицеистов, прозвавших его в куплетах своей песни «сатаной с лакрицей за зубами». Другое его прозвище – Австриец – отмечало связь Гауэншильда с австрийским посольством в Петербурге. Последующая дипломатическая деятельность этого венского академика, уже непосредственно у самого Меттерниха, подтвердила подозрение о весьма тесном и специфическом характере его политических связей в Петербурге.

Едва вступив в управление лицеем, Австриец донес министру народного просвещения, что Пушкин в компании с Малиновским и Пуцциным пытались устроить тайную пирушку и опоили ромом своего товарища Тыркова. Разумовский, только что получивший неофициальную отставку, придал этой шалости несоразмерное значение, сам явился в Царское, вызвал трех виновников для строгого выговора и передал дело на решение конференции профессоров. Ввиду личного вмешательства министра лицейский синклит определил: ставить провинившихся на колени в течение двух недель во время общих молитв, посадить их на последние места за столом и вписать имена их «в черную книгу».

Таково было первое столкновение Пушкина с представителем верховной власти.

И поэт впервые применил оружие, которое не раз служило ему впоследствии: он написал эпиграмму на Разумовского («Ах, боже мой, какую я слышал весть смешную...»).

В июле 1814 года был заключен мир с Францией. На патриотическое празднество в Павловске 27 июля были допущены лицеисты. Они прошли от дворца к «розовому павильону» мимо триумфальной арки. Она была составлена из невысоких лавровых деревьев, на которых, словно в насмешку над их малыми размерами, красовалась приветственная надпись царю: «Тебя, текуща ныне с бою, врата победы не вместят».

По этому поводу Пушкин набросал пером рисунок, изображающий замешательство, происходившее будто бы у «победных врат»: участники шествия, приближаясь к ним, видят, что триумфальная арка действительно «не вместит» тучного царя, и некоторые из свиты бросаются рубить их. Пушкин блеснул талантом рисовальщика в политической карикатуре.

После представления с участием известнейших артистов начался бал. «Когда царская фамилия удалилась, – сообщает в своих записках Корф, – подъезд наполнился множеством важных лиц в мундирах, в звездах, в пудре, ожидавших своих карет. Вдруг из этой толпы вельмож раздается по несколько раз зов одного и того же голоса: «Холоп! холоп!! холоп!!!» Как дико и страшно звучал этот клич из времен царей с бородами в сравнении с тем утонченным праздником, которого мы только что были свидетелями...»

Если эта сценка произвела такое впечатление на «благонравного» Корфа, можно представить, какую реакцию она вызвала в таких свидетелях, как Пушкин, Кюхельбекер или Пушин.

Случайный эпизод напоминал об исторической драме. За великими событиями, свершенными русским народом в 1812–1814 годах, раскрывалась его неизменная печальная и бесправная участь. По деревням у народных героев отбиралось оружие, которое не могло оставаться в руках рабов. Вскоре Пушкин назовет в своих стихах имя великого заступника

закрепощенного и бесправного крестьянства: он впервые приведет в своих стихах имя русского поэта, чья судьба так взволновала старшее поколение и чье творчество будет до конца вдохновлять его, – Радищева, автора сатирической поэмы «Бова».

В истории творчества и политических воззрений Пушкина это одно из важнейших имен. «Радищев, рабства враг» сопровождает его замыслы с лицейской скамьи до предсмертного «Памятника».

Но «Бова» Пушкина не только простонародная сказка. Молодой автор явно выражает в ней свои политические интересы, обращается к историческим мотивам, к сатире на правителей и государственные учреждения. Здесь все полно намеков и даже явных указаний на большие события недавнего прошлого и протекающей современности.

В атеистическом духе трактуются церковные тексты и сатирически изображаются цари – с ослиными ушами и кровожадными вожделениями. Личность Александра I, которого считали участником убийства Павла I (Пушкин коснется этой темы в оде «Вольность»), ощущается и в этой поэме-сказке:

Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.

Затруднения узурпатора Дадона, который заключил в темницу законного наследника королевича Бову и совещается с приближенными о его умерщвлении, напоминают в общих чертах отстранение Екатериною законного престолонаследника Павла и ее проекты совсем лишить его престола. Тема дворцовых переворотов 1762 и 1801 годов явственно звучит в этой сатирической сказке.

Примечательна и непосредственная реакция юноши поэта на новейшие события мировой политики. Прозвище «тирана неусыпного» здесь присвоено и Александру I (Дадону) и его противнику Наполеону, крушение и изгнание которого особо отмечены в поэме. Автор вспоминает воинственного властителя, который «мир крещеный потопил в крови», но сам впал в ничтожество и унижение:

И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором...

Сказочные образы нисколько не заслоняют ту острую антиправительственную сатиру, какую шутивно и метко начал разворачивать автор «Бовы». Можно представить себе, в какую обличительную картину царизма развернулась бы эта эпопея освобожденного народного любимца, поражающего преступного захватчика власти среди его порочного двора и бездарных советников.

В 1814 году была написана самая резкая пародия Пушкина на мистическую литературу. Еще в 1811 году в «Вестнике Европы» была напечатана первая часть поэмы Жуковского «Двенадцать спящих дев» – баллада «Громобой». Это был пересказ авантюрного романа, написанного в XVIII веке немецким реакционным сочинителем Шписом, автором много-томных эпоей в духе «ужасов и тайн». У Жуковского получилось, по мнению Белинского, «что-то вроде католической легенды». В ней излагалась история непорочных дев, проданных их преступным отцом сатане, но спасенных заступничеством святого угодника.

Такой «мистериальной» теме пятнадцатилетний Пушкин решил противопоставить свою озорную балладу, в которой с предельной резкостью пародировал душеспасительную легенду Жуковского. Так была написана в 1814 году «Тень Баркова», в которой изображены

любовные похождения одного попа-расстриги. Благочестивые эпизоды церковного сказания обыграны Пушкиным с предельным обнажением эротической тематики и выражены особой, внелитературной речью, неприемлемой для печати. При этом сохранены размер и строфа Жуковского. Но святой Николай, спасающий Громобоя, комически преломлен в образе старинного поэта Баркова, который в духе своей беззастенчивой музыки наставляет распутного служителя церкви на его цинические подвиги. Юный Пушкин проявил исключительную смелость, отразив «серафическую» поэзию Жуковского в кривом зеркале такого скабрёзного сюжета, оформленного самым «просторечным» слогом. Пародия Пушкина – отчасти подражание «Опасному соседу», но без словесной сдержанности Василия Львовича. Как и поэма о похождениях Буянова, «Тень Баркова» – сатира на «славянороссов»: Шихматов, Хвостов, Бобров фигурируют в ней в качестве «бессмысленных поэтов», «проклятых Аполлоном». Антиклерикальный мотив звучит резче, чем в «Опасном соседе»:

Хвала тебе, расстрига-поп,
Приапа жрец ретивый...

Наряду с шутилой поэмой Пушкин начинает в это время разрабатывать и дидактическое послание. Это жанр многих его любимых поэтов. В России он был широко представлен у классиков XVIII века; мы видели, что именно в этой форме полемизировал со своими литературными врагами Василий Львович.

Стихотворение 1814 года «К другу стихотворцу» свидетельствует о превосходном усвоении Пушкиным сущности жанра. Классические александрийские стихи, законченные афоризмы, забавная притча в заключительной части, придающая анекдотическое заострение финалу, – все это характерные свойства старинного послания. Но в каноническую форму остроумной беседы Пушкин вкладывает большую и печальную тему: это мысль о драматической судьбе поэта в равнодушном и холодном обществе. Уже в пятнадцатилетнем возрасте будущий автор «Андрея Шенье» проявляет исключительный интерес к литературной биографии (вскоре он отметит в своем лицейском дневнике: «Поутру читал жизнь Вольтера»). Разнообразные сведения, собранные им в этой области, открывают ему возможность широко обобщить опыт жизни знаменитых писателей:

Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камюэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он...

Светлый поэтический дар превращается в личной жизни его носителей в «проклятое преимущество». Это первое напечатанное произведение Пушкина (появившееся в «Вестнике Европы» 4 июля 1814 года) открывает обширную серию его творений о гонимых и затравленных гениях.

3

На январь 1815 года были назначены публичные переходные экзамены с младшего на старший курс. После трех лет существования лицей давал первый общественный отчет о своей работе. Необходимо было показать, что обещания, данные в момент его открытия, выполнены.

На испытания по словесным наукам ожидали Державина. Нетрудно было подготовить чтение его стихов, разбор его знаменитых текстов. Но не лучше ли было бы почтить престарелого поэта раскрытием перед ним нового лирического таланта, продолжающего традиции и осуществляющего его творческие заветы? Организовать такое выступление конференция лица поручила новому преподавателю древней словесности Галичу, заменившему с весны 1814 года заболевшего Кошанского.

Этот адъюнкт-профессор был человек общительного, кроткого, беспечного характера с значительной долей юмора. Лицеисты сразу заметили, что их новый наставник питает мало склонности к латинскому синтаксису, и, по свидетельству биографа Галича, постарались извлечь из него другое добро – его теплое сочувствие к юношеским светлым интересам жизни.

«Добрый Галич» был одним из немногих педагогов, которых любил Пушкин. Отношения у них установились дружеские, хотя профессор был вдвое старше своего слушателя. Нередко в своей комнате Галич продолжал вести с учениками беседу, начатую в классе, или устраивал литературные чтения за стаканом вина и «гордым пирогом». Любитель поэзии, внимательный к подросткам, Галич, несомненно, высоко оценил развивающийся талант Пушкина. Это облегчило чуткому педагогу осуществление довольно сложной задачи – подготовить первое выступление поэта-лицеиста перед корифеями русской поэзии и науки. Пушкин, как известно, был застенчив и сам, вероятно, никогда не решился бы читать свои стихи перед синклитом академических знаменитостей. По позднейшему свидетельству поэта, Галич «заставил» его пойти на это. Ему удалось убедить Пушкина взяться за разработку чисто «державинской» темы – прославления военных подвигов русской армии на материалах современных политических событий, то есть в духе знаменитых од на взятие Измаила, Очакова, Тавриды, «воспеть» борьбу с Наполеоном. Юному стихотворцу надлежало вскрыть при этом связь настоящего с недавним прошлым и свои впечатления от царскосельских парков, среди которых воздвигнут лицей, отлить в строфы высокой похвалы веку Екатерины, один из сподвижников которой и явится судьей его оды.

Пушкин все же решил по-своему разработать этот старомодный жанр, чрезвычайно скомпрометированный новейшей поэтической школой. В своем «стихотворении на заданную тему» он исходит из непосредственного наблюдения за действительностью, идет характерным для него путем изображения конкретных явлений внешнего мира по личным впечатлениям. Будущий мастер-реалист уже сказывается в самой методике поэтической работы. Первые семь строф «Воспоминаний в Царском Селе» посвящены описанию парка, дворца и памятников екатерининской резиденции. На фоне «оссиановского» пейзажа выступают «огромные чертоги» и великолепные памятники русских побед.

Можно представить себе, как Пушкин, готовясь к своему первому выступлению, бродил по осеннему парку, наново вбирая в себя впечатления от архитектуры садов, зданий и монументов. В этой творческой прогулке особое внимание привлекает памятник в честь побед на полуострове Морейском – роstralная колонна (то есть украшенная корабельными носами) из синего с белыми прожилками мрамора над самым прудом. Надпись на цоколе в сжатом и торжественном стиле военной реляции возвещала, что «крепость Наваринская сдалась бригадир Ганнибалу. Войск российских было числом шестьсот человек, кои не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он; в плен турков взято шесть тысяч».

Этот героический, «спартанский» стиль описания военных подвигов словно требует стихотворного размера и как бы диктует строфу. Начинают слагаться стихи о чесменском памятнике:

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой

Вознесся памятник.

Так же величествен в своей простоте синий мраморный обелиск против окон большого дворца в память кагульской победы Румянцева, обратившего в бегство турецкого визиря Калиль-бея:

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!

Всюду символы побед, атрибуты войны, будящие и волнующие слова, выгравированные на медных досках: из округлого мрамора выступают корабельные носы, над точеными капителями реют орлиные крылья, из массивных пьедесталов выступают тонкие барельефные изображения Хиосской морской битвы, сожжения турецкого флота при Чесме, взятия острова Митилены – великие события отечественной истории, переплетенные с преданиями семейной хроники Пушкиных и Ганнибалов.

Военное прошлое сменяется животрепещущей темой «Двенадцатый год»; здесь и «бородинские кровавые поля», и московский пожар, и взятие Парижа. События Отечественной войны становятся центральной темой оды. Героем ее выступает «воитель поседлый» Кутузов, сбросивший «надменного галла» с башен Кремля. Предания «славного века» Румянцева и Суворова переходят в патриотический гимн русскому народу, отстоявшему в борьбе с опаснейшим противником честь и независимость своей Родины.

Экзамен по словесным наукам состоялся 8 января 1815 года в присутствии видных вельмож и ученых. Верный принципу максимальной торжественности всех актов государственной школы, Разумовский решил придать лицейским испытаниям наивысшую публичность и театральность, дабы восхищенные слухи о них дошли и до находящегося за границей царя.

Почетным гостем считался знаменитый Державин, хотя он уже давно удалился от государственных дел. Ему шел семьдесят третий год; он болел и ждал смерти. Для торжественного случая он нашел нужным облечься в мундир, но подагрические ноги его были обуты в домашние бархатные сапоги. Пушкин запомнил его мутные глаза и старческие обвислые губы.

Перед таким торжественным собранием юноше-поэту предстояло прочесть на память свое большое стихотворение, по размерам почти поэму. В соответствии с темой необходимо было на всем протяжении чтения сохранять высокое напряжение голоса и повышенную воодушевленность тона.

Пушкин был подготовлен к такой декламации целым рядом выдающихся выступлений на московской домашней сцене. Отличный чтец, Кошанский учил лицеистов, что повышение и понижение голоса должны регулироваться «живым чувством». Пушкин с его повышенной восприимчивостью к поэтическому слову, несомненно, рано усвоил передовые и зрелые принципы классической теории чтения, для которой напевность и выделение ритма при произнесении стиха были совершенно обязательны. Торжественно и напевно прозвучали первые стихи:

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес...

Но способность передавать голосом музыкальность мерной речи несколько не снижала его живой и естественной выразительности. «Читал Пушкин с необыкновенным оживлением», – отметил его друг Пущин. Очарование чтения усиливалось сдержанным волнением, с каким молодой автор приветствовал великого певца XVIII века: «Когда я дошел до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...»

Такое напевное чтение было близко вкусам писателя той поры, когда классическая школа декламации была общепризнанной. Ода маленького лицеиста должна была пленить его и своими образами и общим настроением. Поэтика минувшего столетия здесь тонко сочеталась с хвалебным стилем новейшей лирики. Тема воспоминаний была близка старому одописцу, его собственное имя не просто было названо с шаблонными похвалами, как в ответах других лицеистов, но было включено в звенящую и выпуклую строфу, где оно раздавалось трубным звуком среди торжественных метафор. Мастер звукописи, автор знаменитого «Соловья во сне», Державин должен был оценить замечательные приемы звукового изображения в новой оде с ее искусным повтором характерных согласных:

В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

В сравнении с державинской одой «Воспоминания» Пушкина представляют более стройную композицию – это не единый сплошной поток четырехстопного ямба, а ряд точных строф с усложненным размером. Традиция Державина ощущается в «оссиановском» пейзаже и торжественной лексике (Беллона, росс, бард, скальд, оливы, перуны). Строфическое же построение военного стихотворения было характерным для новейших поэтов – Жуковского и Батюшкова, которым следовал в своем опыте Пушкин.

Но над всеми образцами, правилами, заимствованиями и традиционными образами господствовал уже поражающий энергией своих ритмов и прелестью звучания неповторимый пушкинский стих. То элегически задумчивый, то победно гремящий, он словно давал себе полную волю в этой условной хвале, развертывая с молодым увлечением свою паразитную гибкость и мощь.

Поражала и беспримерная сила отдельных стихов, открывающих в краткой формуле огромные переживания эпохи. Ощущалась страшная угроза родине, отраженная всенародным порывом беззаветного патриотизма. В лицо дерзкому завоевателю юный поэт бросал ослепительный вызов, как бы раскрывающий все неотразимое одушевление его родины в момент нашествия:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.

Не приходится сомневаться в искреннем восхищении Державина. Сквозь его старость к нему неслись новые голоса жизни, воспевавшие его молодость и силу. И забытая радость творческого волнения живым голосом запела в утомленном старческом сердце в ответ на звенящий голос отрока, неожиданно облачившего его обветшалое имя торжественной ямбической хвалой.

«Восхищенный Державин встал с своих кресел, наклонил серебристую главу пред юным стихотворцем, хотел обнять его – но Пушкин скрылся».

В тот же день министр Разумовский угощал знатных гостей парадным обедом. Сергей Львович, как отец столь отличившегося ученика, был в числе приглашенных. Здесь произошла его беседа с Державиным. Около двадцати лет прошло с первых их встреч в Петербурге, когда еще жили Богданович и Костров, а Василий Львович дебютировал в «Санкт-петербургском Меркурии». Кажется вчера, и вот промелькнула жизнь, и миру является новый поэт, мальчик Александр Пушкин. И за министерской трапезой высокие гости расхваливают необыкновенный талант и предсказывают ему грядущую славу.

Но в официальном мире поэзия считалась младшей отраслью словесности, государству нужна была проза – важнейшая и полезнейшая ее ветвь. Эту мысль решил высказать министр народного просвещения. «Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе», – наставительно заметил Разумовский.

Сергей Львович навсегда запомнил порывистую реплику, прозвучавшую на это чиновничье замечание:

«Оставьте его поэтом!» — отвечал Державин с жаром, «вдохновенный духом пророчества».

Таким возгласом завершается литературная биография автора «Водопада», одновременно открывая новый творческий путь. Поистине великолепен этот гнев умирающего Державина при мысли, что в Пушкине хотят угасить поэта.

VIII ЛИЦЕЙСКИЕ ТЕТРАДИ

1

С первых же месяцев пребывания в лицее Пушкин начинает записывать свои впечатления и замыслы звучными русскими стихами, приобретающими под его пером все большую силу, чистоту и законченность. Так вырастает его лицейская лирика – первые опыты растущего гения, как бы расправляющего свои крылья для широкого полета. Так создается ранний раздел его творчества – юношеская поэзия Пушкина, исполненная непередаваемой свежести чувства, увлекательности мысли и животрепещущей взволнованности слова. Здесь все еще в брожении, в поисках, в становлении, но именно эта возникающая и слагающаяся поэзия раскрывает истоки, а подчас и намечает пути будущего зрелого мастерства.

Сохранились пожелтевшие страницы с отроческими стихотворениями Пушкина. Отдельные листки, рукописные сборники, каллиграфически выписанные школьные «журналы» и «газеты», автографы или дружеские копии – все это доносит до нас его первые творческие помыслы. Эти дружеские антологии, альбомы и тетради «лицейских трубадуров» широко развертывают картину необычайного роста юного поэта от его детской «Толиады» к мужественной «Вольности». За несколько лет он гигантским шагом прошел все подготовительные фазы поэтического развития и достиг всеобщего признания. Уже в 1814 году «Вестник Европы» В. В. Измайлова публикует пять стихотворений поэта-лицеиста под различными псевдонимами. В 1815 году в русской печати впервые появляется имя: *Александр Пушкин*. Так подписаны «Воспоминания в Царском Селе» в «Российском музее», где их сопровождало необычное редакционное примечание о «молодом поэте, талант которого так много обещает». А через год Общество любителей отечественной словесности включает два стихотворения многообещающего автора в свое «Собрание образцовых русских сочинений». Семнадцатилетний Пушкин уже включен в круг отечественных классиков. С 1816 года он готовит для печати сборник своих стихов. Среди них такие жемчужины, как «Лицинию», «Воспоминания в Царском Селе», «Певец».

Раскроем эти старинные тетради. Постараемся взглянуть в этот скрытый и сложный процесс первоначального развития поэта.

Лицейские записи Пушкина еще в большей мере, чем его детские опыты, поражают разнообразием своих тем, идей, образов, жанров, строф и размеров. От эпиграмм и шуточных поэм до элегий и патриотических од здесь испробованы все основные лирические виды, в том числе и такие своеобразные, как *ноэль, кантата, философическая ода, стансы, экспромт, картины, моя эпитафия, мой портрет, мое завещанье, надпись на стене больницы, надпись к беседке* (как пытается дифференцировать сам автор изумительное жанровое богатство своих ранних созданий). Юноша Пушкин с одинаковой уверенностью владеет легким, подчас игривым и резвым размером («Леда смеется») и гневным, кованым и гремучим стихом («Квириты гордые под иго преклонились»). С короткой и быстрой строкой здесь соседствуют протяженные и плавные «александрийские стихи».

Все это соответствует разнообразию лирической тематики Пушкина. Дружеская шутка и заунывный романс пишутся почти одновременно с гражданским воззванием и военным гимном. Беспечные песенки о «страсти нежной» и «кубке янтарном» сменяются тревожными раздумьями о великих политических событиях, как пожар Москвы или битва под Ватерлоо. В «римской» негодующей сатире звучит протест против царского деспотизма.

Сквозь античную мифологию прорывается современная политическая тема, напрягающая юношеский стих и сообщающая ему первый боевой закал.

Это брожение различных поэтических стилей не заслоняет все же основного стремления начинающего автора к жизненной правде, к точному отражению мира, к живописи отчетливой и верной. Ранние упражнения в различных творческих маневрах явно уступают место уже в 1814 году непосредственным впечатлениям от людей и событий, закрепленных во всей их конкретности и подлинности. Лицейские стихи Пушкина становятся отзвуками на текущие происшествия, зарисовками близких ему лиц. Стихотворение 1814 года «Пирующие студенты», которое лицеисты прослушали затаив дыхание, представляло собой ряд чудесных по сходству и юмору строф-характеристик, посвященных любимым друзьям. Это замечательный групповой портрет пушкинского кружка во главе с его любимцем и «президентом» Галичем. При всей веселой беззаботности тона эти строфы являются первым предвестием будущих «лицейских годовщин» с их новыми углубленными и часто драматическими изображениями школьных товарищей в их жизненном труде и борьбе. Пушкин обращается и к легкому жанру дружеского письма, близкого к шутливой болтовне, вольного по тону, разнообразного по темам, проникнутого непосредственными искренними признаниями. Таковы стихотворения 1814 года «К сестре» и аналогичная, но более пространная эпистола 1815 года «Городок», замечательная по своему списку любимых авторов поэта-лицеиста. Здесь названы крупнейшие классики и современные писатели вместе с «малыми» поэтами Франции XVIII века. Особо отмечены под условными наименованиями русские рукописные стихотворцы Барков и князь Д. П. Горчаков, вольтерьянец и политический сатирик; Пушкин вдохновлялся его «святками» в своих известных нозлях.

В этих ранних набросках и посвящениях, в посланиях и описательных отрывках перед нами уже выступает зоркий наблюдатель действительности и превосходный рисовальщик с натуры. В первых эскизах лицейского городка с его удалыми гусарами и очаковскими инвалидами, с его лебединым озером и архитектурным пейзажем уже ощущается будущий несравненный изобразитель русской природы и русских людей во всем разнообразии климатических поясов и человеческих типов.

Так решительно захвачен реальный мир творческим вниманием начинающего поэта. Не менее существенно и то, что уже на школьной скамье слагаются основные черты его поэтического стиля – одновременно верного действительности и неотразимо пленительного в ее отражении. Сущность пушкинского реализма – в сочетании жизненной правды с облагороженным и очищенным восприятием мира. Жизнь прекрасна на взгляд великого художника, и он передает ее правдиво и восхищенно во всей ее подлинности и во всем очаровании. У Пушкина (как впоследствии у Чехова, по замечанию Л. Н. Толстого) «все прелестно». Самая будничная жанровая картинка чарует изяществом рисунка и артистичностью общего впечатления:

Стул ветхой, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден...

И эта щедрая муза воображения не только уносит «к волшебной Ипокрене», она бросает свой отсвет и на скучную обстановку повседневного быта с этой прелестной «соломенной свирелью». Не таким ли останется до конца и лирический реализм «Евгения Онегина»?

В лице начинается борьба Пушкина и за новый поэтический язык – простой и звучный, лаконичный и выразительный, «точный» и «гармонический». С самого начала у лицейского стихотворца твердые убеждения по основным вопросам поэтики и стиля (отчасти усвоенные в кругу крупных поэтов, окружавших его в детстве). Он отстаивает ясность, естественность и общепонятность стихового слова:

Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого

– вот подлинная поэтическая декларация юноши Пушкина. В отличие от Жуковского, который издавал свои стихи «для немногих», он хочет писать для всех «словами истины, свободными, простыми». Ему дорог лишь тот, «кто выражается правдивым языком». Он любит быстрые и сжатые размеры (часто двухстопные) – «меру простую», как заявляет он уже в 1813 году. В самом начале творческого пути он уже находит «свой склад» – живой и разговорный размер – четырехстопный ямб. Он возмущается и «набором громозвучных слов» у присяжных одописцев и «громадою стихов» (типа «Телемахиды»). Он не боится народного просторечия и смело пользуется им в своих «вольных» или «устных» сочинениях. Стих его вместе с четкостью и звонкостью приобретает упоительную музыкальность: «Томный гул унылы трели / Повторял в глуши долин...», «Встречали ль вы в пустынной тьме лесной / Певца любви, певца своей печали...», «Доколе музами любимый, / Ты, Пиэрид, горишь огнем...» Весь этот новый поэтический синтаксис и звуковые ходы свидетельствуют о том, что будущий великий реформатор русского языка уже незаметно приступил к осуществлению своего великого призвания.

2

Творческая отзывчивость поэта обращает его от застольных песен к печальным явлениям окружающего быта. На лицейской скамье написан знаменитый романс «Под вечер осенью ненастной», проникнутый глубоким сочувствием поэта к девушке-матери и ребенку-подкидышу. Здесь уже раскрывается живая озабоченность юноши Пушкина социальными драмами современности. Стихи «Закон несправедлив, ужасный / К страданью осуждает нас» свидетельствуют о знакомстве автора с жесткими постановлениями старинного законодательства о «незаконнорожденных». Противодействуя внебрачному сожителю и отстаивая семейные устои, старорусское право признавало рождение детей вне брака преступлением родителей, лишаящим их потомство правоспособности. Подобные узаконения были источником многих бытовых трагедий – детоубийств и самоубийств (мотив этот звучит и в юношеской драме Белинского «Дмитрий Калинин»). Пушкин уже в 1814 году выступает заступником этих незаслуженно клейменых женщин и их безвинно обездоленных детей. В его жалобе обманутой девушки звучит большая общественная тема и выражен глубокий протест против варварских законов феодального мира. Неудивительно, что это стихотворение, опубликованное лишь в 1827 году, стало любимой темой лубочных картинок и вошло в народные песенники. Из лицейского цикла Пушкина именно оно получило значение всенародной песни.

Уже в юные годы Пушкин много думает о задачах поэзии и законах искусства. Тема творчества и судьбы художника, которая навсегда останется источником его раздумий и вдохновений, возникает уже в посланиях 1814 года и заметно углубляется в стихотворениях

последующих лет. Юношу Пушкина увлекают все виды искусств. Монументальное зодчество и классическое ваяние получают такое же отражение в его героических строфах, как живопись екатерининского дворца с ее мифологической тематикой в его стихотворениях о Леде, Венере и Вакхе. Пастушеская цевница мелодически перекликается в этих ранних строфах с голосом поющей девушки у клавира. Питомец московских театралов, Пушкин-лицеист высказывается в стихах и по вопросу о сущности и приемах сценического искусства.

В Царском Селе существовал крепостной театр. Граф Варфоломей Толстой на своей домашней сцене предлагал вниманию зрителей преимущественно камерные оперы. Свои впечатления от «Севильского цирюльника» Паизиелло и отечественного «Мельника» Аблесимова Пушкин отразил в двух ранних стихотворениях, вызванных игрою одной из актрис царскосельского мецената.

Восхищенный сначала исполнением и внешностью этой крепостной примадонны, но вскоре разочарованный ее равнодушием, молодой поэт от хвалебного «Послания к Наталье» перешел к трезвой критике ее исполнения.

В стихотворении «К молодой актрисе» он дает свою первую театральную рецензию. Ссылаясь на высокий образец трагедии – знаменитую Клерон, которую русские театралы XVIII века считали «непогрешительно правильной», – он детально разбирает исполнение крепостной артистки: голос, мимику, жест, манеру пения, интонации, отдельные приемы сценической игры. Беглый и меткий разбор свидетельствует, какое всестороннее понимание законов сценического искусства вынес Пушкин из домашних спектаклей старой Москвы.

В том же 1815 году поэт написал политическую сатиру – стихотворение «Лицинию», одно из наиболее зрелых достижений лицейского периода:

Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит...

Впервые в поэзии Пушкина назван «народ несчастный», который останется до конца его главной темой.

В стихотворении остро поставлена проблема порочной власти, разрешенная в духе резкого гражданского протеста: «Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода». Освободительная идея здесь облечена в яркие пластические образы. Гражданскую патетику усиливает и мужественная энергия стиха. Ощущение римского негодующего красноречия достигается не механическим воспроизведением античного размера, а внутренней интонацией речи, сообщающей «александрийцам» XVIII века звучание кованых формул классической латыни.

Необычайный рост поэта-лицеиста привлекает внимание и его литературных учителей. Происходит совершенно необычное в истории поэтических связей явление: к школьнику, в его интернат, откуда сам он не имеет права выезжать, являются крупнейшие современные писатели со словами приветия и бодрости. Одним из первых навещил лицеиста Пушкина любимейший поэт его молодости Батюшков.

Еще на младшем курсе Пушкин написал свое первое послание к автору «Моих пенатов», в котором призывал его вернуться к творчеству, оставленному ради военных походов.

Теперь поэт-воин, совершивший всю заграничную кампанию 1813–1814 годов, советовал Пушкину взяться за эпопею, обратиться к героическим темам, писать о войне. В своем втором послании к Батюшкову – «В пещерах Геликона» – Пушкин отказывается от высокого жанра. Он скорее готов следовать за своим учителем по путям веселой литературной сатиры, продолжать традиции «Видения на берегах Леты». В духе этой шуточной поэмы Пушкин вскоре дает свой пародийный обзор современной поэзии – «Тень Фонвизина», представляющий как бы третье послание к Батюшкову.

Серию карикатур на современных стихотворцев юный сатирик завершает восхищенной зарисовкой своего любимого поэта; стихами, полными тепла и красок, он изображает, как нежится на лоне природы «певец пенатов молодой с венчанной розами главой». Этот лирический портрет выдержан в стиле самого Батюшкова.

«Тень Фонвизина» – выдающееся явление лицейского периода. Весьма примечателен живой интерес Пушкина к одному из крупнейших русских гуманистов XVIII века, которого он всегда высоко ценил за его резкое осмеяние крепостнических нравов и смелую борьбу с екатерининским самовластьем. Фонвизина, как известно, вскоре признает своим предшественником и декабристская публицистика. Пушкину были, несомненно, близки антицерковные тенденции фонвизинских обличений, как и его борьба за культурный политический строй, основанный на строгой законности. Молодой поэт высоко оценил острые сатирические «маски» знаменитой комедии и беспощадную оппозицию автора «Недоросля» к рабовладельческому строю дворянской империи. «Страшна Фонвизина рука!» – восклицает восхищенный этими полемическими ударами Пушкин. Вот почему именно ему, разоблачителю, памфлетисту, критику, поэт нового поколения поручает верховный суд над современной литературой. Пусть этот «известный русский весельчак», беспощадно бичевавший невежд, произнесет свой приговор над Шаликовым, Хвостовым и Ширинским-Шихматовым. «Тень Фонвизина» – одно из ярких свидетельств приверженности «юноши-мудреца» к большим течениям русской просветительной мысли XVIII века.

Пушкина навестил в лицее и другой корифей новейшей поэзии – Жуковский. «Я сделал еще приятное знакомство, – писал автор «Светланы» Вяземскому 19 сентября 1815 года, – с нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет». Через год в известном посвящении «К Жуковскому» Пушкин вспомнил и выразил значение для него этой дружеской и творческой встречи:

Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела...

В июне 1816 года в лицей приехал старый вельможа и видный поэт Юрий Нелединский-Мелецкий, автор знаменитой песни «Выйду ль я на реченьку». Он получил во дворце повеление написать кантату в честь бракосочетания великой княжны Анны Павловны с принцем Вильгельмом Оранским. Но престарелый лирик, не рассчитывая на свои силы, обратился за помощью к Карамзину, который и направил его в лицей к племяннику Василия Львовича.

Поэт-лицеист искренне любил стихи Нелединского, который считался предшественником Батюшкова и даже числился в почетных членах «Арзамаса». В одном из своих посланий (1815) Пушкин говорит о заветной области любовной поэзии:

Где нежился Шолье с Мелецким и Парни...

И вот этот сладкозвучный лирик склонялся перед молодым дарованием. Можно ли было уклониться от такого предложения?

Нелединский сообщил тему и наметил ее возможное развитие. Приняв предложенную программу, семнадцатилетний поэт сейчас же написал чрезвычайно мужественным и живо-

писным стихом исторические стансы, в которых беглыми штрихами очерчены события наполеоновского эпилога – пожар Москвы, Венский конгресс, «Сто дней», Ватерлоо. Некоторые строфы, выдержанные в условном стиле декоративного батализма XVIII века, великолепны по своим образам и силе стиха:

Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Пушкин весьма удачно применил здесь прием, который и впоследствии служил ему при вынужденной разработке официальных приветствий: он обращался к историческим картинам или к портретной живописи, только в заключение сдержанно произнося необходимую хвалу.

3

Рядом с образами наставников и товарищей в лицейской биографии Пушкина мелькают подчас и девичьи облики. Пушкин не был грубо чувствен, как нередко писали о нем современники. При несомненной страстности его порывистой творческой натуры он связывал обычно свои романы с живыми эстетическими впечатлениями. Объекты его юношеской влюбленности были вполне достойны вдохновлять его раннюю любовную лирику.

Увлечение сестрою одного из лицеистов, Екатериной Павловной Бакуниной, вызвало к жизни замечательные лирические произведения Пушкина – целый цикл его любовных стихотворений, в которых глубокий тон неизведанного чувства выражался и в новой для него поэтической форме – элегии. Примечательно, что в дневнике Пушкина 1815 года восхищение Бакуниной переплетается с лирическими стихами Жуковского, тщательно выписанными юным автором в качестве эпитафии к собственным признаниям:

Он пел любовь, но был печален глас.
Увы! Он знал любви одну лишь муку!

«Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной!»

Но несравненно более украсили «милую Бакунину» первые элегии Пушкина. Мотивы страсти, надежды и отчаяния звучат в небольших стихотворениях, иногда непосредственно посвященных этой девушке, иногда же отдаленно навеянных ее образом, как «Медлительно влекутся дни мои» или знаменитое по своей напевности «Слыхали ль вы за рощей глас ночной», столько раз переложенное на музыку русскими композиторами.

Некоторые юношеские посвящения Пушкина задумчивы и печальны, но многие из них принадлежат к типу просветленных признаний. Адъюнкт по кафедре Кошанского П. Е. Георгиевский отметил в своем курсе два свойства элегии: печаль и радость при общих чертах «мягкости и нежности», свойственных канцоне. Таков у Пушкина радостный гимн любви «К живописцу», таковы «Осеннее утро», полное ожиданий весны, «Месяц», проникнутый воспоминаниями о наслаждении, «Я думал, что любовь угасла навсегда», охваченное мечтой о свободе, таков и ряд других «жалоб», проникнутых надеждой и счастьем. Элегия Пушкина, получившая «пронзительно унылые» ноты, в беспечные лицейские годы еще часто звучит молодой любовной песней под открытым небом царскосельского парка:

Когда в тени густых аллей
Я слушал клики лебедей,
На воды светлые взирая...

При всем разнообразии этих поэтических записей в них есть одна общая черта – это преклонение молодого поэта перед мыслью, вдохновением, мудростью. Уже в ранних стихах он любит поэтизировать человеческое мышление. «Светильник ума» уже назван в 1815 году в посвящении другу Пущину. В духе передовых писателей XVIII века Пушкин пишет повесть о «разуме человеческом», о «праве естественном». В одном из лучших лицейских стихотворений он выводит мудреца Дамета, ненавидящего рабство и утверждающего культ свободы. Даже заунывная элегия с ее грустью и встревоженностью не отводит автора «Лициния» от того культа знания, поэзии, философии, который был так свойствен Ломоносову, Фонвизину, Радищеву, Державину. Наследие русского просвещения как бы озаряет внутренним светом беглые наброски этих студенческих тетрадей, ставших одною из драгоценностей русской культуры. Это преддверие к великому торжеству Разума в творчестве зрелого Пушкина.

4

В эти годы созревания своего таланта Пушкин начинает противопоставлять показной и внешней лицейской педагогике подлинные ценности современной поэзии. Если с нескрываемой иронией он неизменно отзывается о «кафедре», «латыни», «фолиантах», «педантах», «холодных мудрецах», то Жуковский и Батюшков становятся в ряд его любимых лирических тем. Подлинная культура раскрывается ему не в официальной учености лицейской профессуры, а в свободном творчестве выдающихся русских поэтов.

Когда Пушкин прочел Кошанскому свое «Послание к Галичу» («Где ты, ленивец мой?»), профессор подверг стихотворение довольно серьезной критике. Он отметил недостаточную отделку языка, нежелательную «ходкость» рифм и ряд отступлений от строгой формы. Пушкин решил отразить удар и написал антикритику в стихах «Моему Аристарху».

Разбор Кошанского он признает несправедливым. Молодой поэт отстаивает право на легкую импровизацию, призывает в свидетели беспечных поэтов старого времени, называет себя наследником их «небрежных рифм», произносит хвалу «музе праздности счастливой» в противовес всем дарам «поэзии трудолюбивой». Пушкин, в сущности, отстаивает права легкой поэзии на особые черты живой разговорности и намеренной небрежности, особенно в таких жанрах, как дружеское послание или шутливая поэма. И впоследствии, в полном расцвете своего дарования, он будет ценить прелесть «строф небрежных» и отстаивать значение «рифмы наглагольной».

Спор приводит к постановке большой и сложной проблемы, как бы возвещающей одно из великих созданий зрелого Пушкина: это антитеза вдохновения и труда в искусстве, непосредственности выражения и творческого усилия, беспечности и заботы художника. «Сальеризм» осужден в 1815 году, а светлый образ поэта-безумца, «гуляки праздного» отчетливо выступает из полемических строк этого послания. Нужно отметить, что в своей поэтической практике Пушкин не проводил этого различия и уже в молодости совмещал в себе оба творческих типа. Он и принципиально не раз высказывался за культуру труда в сложном искусстве слова.

Вот почему критику Кошанского нельзя считать предвзятой и необоснованной. Его указания на ценность рифмы редкой и трудной, на чистоту и экономию средств в построении стиха, на устранение лишних строк и на строгость поэтической формы были полезными советами опытного словесника начинающему поэту. Пушкин вскоре в полной мере ощутил уважение к поэтическому труду и проявил всестороннее понимание его сложных законов. «Небрежность» в определенных жанрах получила для него значение не какой-либо легкой

доступности средств, а своеобразного стиливого свойства, осуществление которого связано с целым рядом трудностей, ничуть не меньших, чем классическая законченность отделки.

«Послание к Аристарху» не определяет отношения Пушкина к Кошанскому на всем протяжении лицейского шестилетия. Эта полемическая вспышка не характерна для общего интереса молодого поэта к лекциям лицейского эллиниста. Следует отметить, что Пушкин не называл своего критика презренной кличкой *Зоила* и что имя знаменитого комментатора гомеровских поэм Аристарха сохраняло в традициях филологической науки авторитет искусного и добросовестного ценителя поэзии. С наибольшим успехом Пушкин занимался в «литературных» классах, то есть у Кошанского и Будри, у которых только и получал высшие баллы; впоследствии он с большим уважением к своему словеснику отметил, что Дельвиг «Горация изучил в классе под руководством профессора Кошанского».

Это был лучший знаток эстетики в лицее. Кошанский был главным сотрудником «Журнала изящных искусств», издававшегося в начале XIX века известным воспитателем А. С. Грибоедова – московским профессором И. Ф. Буле. Вопросы теории творчества и художественной критики широко разрабатывались в статьях молодого Кошанского, например о скульпторе Мартосе, как создателе памятника Пожарскому и Минину, или в трактате о призвании «истинного художника». О широкой эрудиции свидетельствует метод Кошанского «сближать все изящные искусства между собою» и открывать общие законы «в красноречии живописном, словесном и музыкальном». Все это показывает, что в лице Кошанского лицей имел серьезного искусствоведа с обширным литературно-эстетическим опытом и подлинной артистической культурой. Его влияние на Пушкина, уловимое лишь в отдельных фактах, ощущается все же как значительное и плодотворное.

Одно из лучших стихотворений раннего Пушкина (написанное в 1817 году, сейчас же по выходе из лицея) – «Торжество Вакха», – впервые возглашавшее в его поэзии «вакхальные припевы» как начало озаряющего разума и жизнеутверждающей мудрости, восходило к лекциям Кошанского по классической древности. Но оно вдохновлялось и некоторыми образцами современной русской поэзии. Любимец Батюшкова рано умерший поэт Александр Бенитцкий (один из группы «поэтов-радищевцев») в своей «Песне Вакху» прославлял веселого бога как носителя света и борца со злом: «Вакх жезлом своим волшебным умирят тигров, львов», – он вносит мир и радость в жизнь. «Славься, славься, сын Семелы!..»

Такое звучное, но традиционное восхваление разворачивается у Пушкина в великолепную картину, полную красок и движения и достигающую поразительной пластической силы в описании бега вакханок. Это восторженный гимн юного человечества «в честь Вакха, муз и красоты!». Заключительные стихи уже звучат прелюдией к знаменитой «Вакхической песне».

Неудивительно, что этот ранний пушкинский гимн вдохновил молодого Даргомыжского на лирическую оперу «Торжество Вакха».

К 1821 году относится фрагмент Пушкина «Земля и море», представляющий собой переложение идиллии из «Цветов греческой поэзии» Кошанского. На его уроках Пушкин впервые услышал о древних «метрах», которыми впоследствии пользовался в своем творчестве. Здесь были четко поставлены вопросы поэтики, к которым он неоднократно впоследствии возвращался. Если в садах лицея молодой поэт «Цицерона не читал», он все же воспринял в классах профессора Кошанского начала античной культуры, питавшие его раннее творчество.

Французских классиков Пушкин охотно перечитывал на уроках Будри. Этот маленький плотный старичок, еще носивший по традиции XVIII века пудренный парик, своим убогим костюмом напоминал якобинца. Такая несогласованность наружного вида отчасти соответствовала и внутреннему его облику. Будри, по словам Пушкина, был ловким придворным, что не мешало ему высказывать на уроках «демократические мысли». Сын итальянца и

швейцарки, он с детства жил и учился в Женеве, где поселился его отец, доктор медицины и философии Жан Марат. Культурные традиции фамилии сказались на деятельности старшего сына, знаменитого Жана-Поля Марата, одного из виднейших деятелей революционной Франции, известного также своими научными работами по медицине, физике, уголовному и государственному праву. Не отличаясь дарованиями брата, Давид Марат, ставший в екатерининской России Давидом Ивановичем де Будри, проявил себя замечательным педагогом. Лицеист первого выпуска Модест Корф, давший ироническую оценку всем своим профессорам, отзываясь о Будри с высокой похвалой, как об единственном лицейском наставнике, способствовавшем общему развитию слушателей.

В основу усвоения иностранного языка он полагал живой разговор, а в преподавании ставил себе задачей вскрыть перед слушателями «композицию речи», «изобразительное действие слова». Следует думать, что Будри значительно углубил познания, полученные Пушкиным от Монфора и Руссло, и, может быть, первый вызвал в нем интерес к вопросам построения французской классической прозы.

Будри, видимо, сразу зорко и верно оценил своего лучшего слушателя. Уже в первый лицейский год, когда большинство преподавателей отмечает в Пушкине «слабое прилежание», строгий Будри уверенно сообщает: «Считается между первыми во французском классе; *весьма прилежен*; одарен понятливостью и проницанием». Такой отзыв не только одобрение ученику, но и высокая хвала самому наставнику.

В лицейской среде этот профессор представлял единственную реальную связь с революционной Францией. Он не избегал разговоров с учениками о своем знаменитом брате, называл Робеспьера и другие имена той эпохи.

«Он очень уважал память своего брата», — записал впоследствии Пушкин. Характерно, что смерть Марата упоминается не раз в стихотворениях Пушкина («Кинжал», «Андрей Шенье»). Во всяком случае личная связь старого педагога с одной из героических фигур 1793 года при общем демократическом уклоне его мышления сближала его слушателей с духом великой эпохи и непосредственно знакомила с ее выдающимися деятелями.

Любовь к свободе и традиции «века Просвещения» внушал лицеистам и профессор Куницын. В своих курсах он последовательно проводил учение Руссо о естественном праве, противопоставляя его реакционным государственным теориям. Он решительно опровергал мистическую теорию права с ее обращением к «воле божеской». В основу своего учения он полагал «всеобщий закон свободы», а выражением его считал человеческий разум. Из этого следовал вывод, направленный против самых основ крепостнического государства: «Никто не может приобрести права собственности на другого человека». Такие истины воспринимались с живым волнением молодой вольнолюбивой аудитории. Этим объясняется и знаменитая хвалебная строфа Пушкина, посвященная впоследствии Куницыну, «воспитавшему пламень» лучших из лицеистов первого выпуска.

Курсы этого передового ученого широко освещали многие вопросы, занимавшие его слушателей. Он провозглашал «право свободно объяснять свои мысли другим». В учении о власти Куницын определял строгие веления права и справедливости: «Властитель подлежит законам, им издаваемым». Это положение стало руководящим для Пушкина в дальнейшем развитии его политических воззрений.

Но если можно считать несомненным широкое и благотворное воздействие Куницына на образование политических воззрений Пушкина, не следует усматривать в юном поэте склонностей к юриспруденции и государствоведению. Картина раннего развития Пушкина дорога нам в своей подлинности, ибо ею определяется и рост его поэтического дарования. Следует поэтому установить наряду с безусловным интересом лицеиста Пушкина к словесности, поэтике, искусствам такое же безразличие его к правоведению и финансам, а вместе с ними и к школьной логике. Сам Пушкин открыто заявлял о своей антипатии к «силлогиз-

мам», «правам и налогам», получал самые низкие баллы по энциклопедии, политической экономии, статистике, считался по классу Куницына «крайне не прилежным». Когда в марте 1816 года Пушкин пишет Вяземскому: «...Целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!..» – он явно метит в кафедру политических и нравственных наук.

Следует признать, что отчасти виновна в этом была сама система преподавания. Неработанность в то время учебных программ приводила к тому, что один Куницын представлял целый юридический факультет, даже с некоторой примесью философского. В обязанность «профессора нравственных наук» входило чтение логики, психологии, этики, права естественного, народного, гражданского, публичного, уголовного, римского, политической экономии и финансов. Неудивительно, что под грузом столь многочисленных дисциплин Куницын очень скоро охладел к своей работе и от широкого воспитания мысли своих слушателей понемногу перешел к простому требованию заучивать наизусть его записки.

Пушкин с его живым умом и проникновенным пониманием всех явлений жизни был всегда решительным противником такого механического усвоения знаний: он с детства ненавидел «вокабулы» (то есть заучивание наизусть иностранных слов) и любил обогащать свой язык в разговорах, чтении, в толпе, в рассказах дворовых. В учении ему дорого было понимание, живая мысль, непосредственное творческое восприятие. Господствующий в лицейском преподавании формализм противоречил всему складу его мышления. Явная слабость царскосельской педагогики сказалась в неспособности профессоров увлечь своими занятиями даже такого слушателя, как Пушкин. В сохранившихся отзывах преподавателей неизменно отмечаются его блестящие способности, но при обычных указаниях на лень, невнимание, слабые успехи. Учителя Пушкина не поняли, что их прямой обязанностью было приобщить гениального подростка к увлекательному для него труду, дать прочные знания и методы будущему писателю, призвание которого сказалось так рано и так неоспоримо. Лекторы лицея не сумели возбудить в своем самом живом и восприимчивом слушателе глубокого интереса ни к одному предмету вне собственной любознательности их ученика и даже не смогли по-настоящему поддержать его творческие запросы в соответствии с его громадным талантом.

Увлекаясь русским прошлым, задумывая поэмы об Игоре, Ольге, Владимире, начинающий поэт не встретил в лицее достойного наставника, способного правильно направить его живые исторические запросы. Адъюнкт-профессор Кайданов проводил в своих лекциях официальный курс, резко противоречивший слагающимся воззрениям его блестящего слушателя. От воздействия такого ученого юноша Пушкин должен был ревниво оберегать свой внутренний мир и вести с реакционной пропагандой своего профессора непримиримую борьбу. Как будущий великий историк Пушкин в лицее не имел учителя.

В такой воспитательной среде успешно развивались очень немногие – едва ли не единственный Вольховский, который брал приступом все трудности многообразных и сухо излагаемых дисциплин, «спартанскою душой пленяя нас...».

Не испытывая такой самоотверженной стойкости, Пушкин предпочитал отдавать свое время и силы поэтическим занятиям, что неизбежно вело и к накоплению общих знаний. Как и в детстве, он развивался и воспитывался сам, соревнуясь с товарищами-поэтами и принимая от своих учителей лишь то небольшое, что непосредственно относилось к его любимейшему искусству стиха и слова. В этом отношении ему был наиболее полезен знаток литератур и поэт-переводчик Кошанский, к тому же и наилучший педагог среди лицейской профессуры, умевший оживлять и возбуждать свой класс к творческой деятельности.

Но при всем своем опыте и этот магистр изящных наук не поспевал за стремительным взлетом царскосельского орленка. Рост Пушкина перерастал опыт его лучших учителей и бурно обгонял проблематику школьных программ. Он стал величайшим писателем не благодаря лицейским педагогам, а вопреки их незрелой воспитательной системе, поверх которой

не переставал подниматься своими замыслами и видениями этот «отрок с огненной печатью, с тайным заревом лучей», как прекрасно сказал о нем его друг Вяземский.

IX НА СТАРШЕМ КУРСЕ

1

1 марта 1816 года воспитанники были собраны на беседу со своим новым директором Энгельгардтом. Образованный педагог и опытный администратор, сумевший вскоре наладить патриархально-дружественные отношения со многими из своих воспитанников, он был при этом проникнут религиозно-нравственными воззрениями на задачи воспитания и, как старый царедворец, отличался «суетным стремлением к эффекту». Все это оттолкнуло от него наиболее непосредственных и независимых юношей. Пушкин, Вольховский и Кюхельбекер образовали оппозицию Энгельгардту.

Пушкин со всей решительностью отверг родительскую опеку над собой нового руководителя лицея. На старшем курсе завязалась необычная борьба директора со школьником. Победил в ней Пушкин. С кем же ему пришлось вести этот неравный бой?

Действительный статский советник Георг фон Энгельгардт (именовавшийся в русском обществе Егором Антоновичем) происходил из германского рода, восходившего к рыцарям Тевтонского ордена, которые были разбиты в битве при Грюнвальде в 1410 году.

Воспитанный в благочестивом немецком пансионе, юный Георг начал свою карьеру еще при последних фаворитах Екатерины. Вскоре он стал любимцем самого Павла I, а затем и Александра, пока, наконец, при содействии всесильного Аракчеева не устроился на посту директора Царскосельского лицея. Секретарь Мальтийского ордена, учрежденного в 1798 году для борьбы с революцией, Энгельгардт и в лицее проводил программу церковно-государственного воспитания.

Иезуитские принципы Жозефа де Местра, столь заметно окрасившие образовательную систему и школьный быт лицея при Малиновском, уступили теперь место особой сентиментальной педагогике старонемецкого типа, которую насаждал здесь Энгельгардт. Сторонник германской «филантропической школы воспитания», он придерживался ее слащавой идиллическости в личных отношениях с воспитанниками и глубочайшего благоговения перед «священными» авторитетами в своей идейной программе. Воспитание таких свойств характера, как аккуратность, умеренность, светская благовоспитанность, с целью выработки полезных государственных чиновников было принято Энгельгардтом в качестве идеалов его педагогики. Из неудавшегося коллегиума иезуитов, о котором мечтал в свое время Разумовский, лицей стал перестраиваться при Энгельгардте в так называемый «Филантропинум» в духе немецкой школы набожности и благонравия.

Обе системы одинаково отталкивали выученика вольнодумцев – Пушкина. Лютеранская добропорядочность Энгельгардта так же претила его мятежному духу, как и воинствующий католицизм Местра. Он решительно уклонился от раскрытия новому директору своего внутреннего мира и отказался поддаться его верноподданной и смиренной морали.

Неспособный разобраться в сложной личности гениального подростка, Энгельгардт проставил самые дурные моральные баллы Пушкину. В своих заметках о воспитанниках лицея он решительно осудил Пушкина за «пустое и холодное сердце», оскверненное эротическими произведениями, а главное – за отсутствие религии. Неудержимое стремление молодого ума освободиться от незыблемых авторитетов прошлого, укрепление которых являлось главной задачей директора императорской школы, видимо, вызвало этот разрыв.

По свидетельству В. П. Гаевского, собиравшего сведения о лицее по свежим следам, распре поэта с Энгельгардтом способствовало и увлечение юноши молодой француженкой Марией Смит, жившей в семье директора. Ей посвящена одна из лучших любовных элегий Пушкина-лицеиста – «К молодой вдове». Это стихотворение, охваченное горячим и смелым чувством, как бы свидетельствует о счастливой победе, вероятно воображаемой: молодая женщина недавно лишь овдовела, готовилась стать матерью, принадлежала к пуританскому семейству директора лицея. По-видимому, строки Пушкина о пережитой любви вызваны законами построения такого стихотворного укора молодой вдове, не забывающей и в новой страсти умершего супруга. Пушкин мог слышать в царскосельском театре «Дон Жуана» Моцарта, написанного как раз на эту тему. В стихотворении встречаются метафоры и уподобления исключительной выразительности, вроде «быстрый обморок любви», и замечательные звуковые ходы, основанные на повторении слов и характерных согласных. По сравнению с элегическими жалобами «бакунинского цикла» оно отличается мужественностью тона и драматической силой: впервые в лирике Пушкина ставится и разрешается трагическая проблема любви и смерти и притом не в смиренном духе традиционных вероучений, а в радостном и безусловном провозглашении прав жизни и страсти.

Мария Смит сначала пожаловалась Энгельгардту на автора столь компрометирующего ее послания, а затем нашла более остроумный выход: недурно владея пером, она вступила в стихотворное состязание с юношей и ответила стихами на французские куплеты Пушкина («Когда поэт в своем экстазе»). В нескромном поклоннике она оценила даровитого автора, но только для того, чтобы лестным обращением прикрыть непреклонность своего решения. Ей нельзя отказать в остроумии и весьма тонкой иронии.

Но директор лицея, несомненно, усмотрел в посвящении молодой вдове подтверждение своих наблюдений над пристрастием Пушкина к чувственной поэзии и особенно над его атеизмом. Ни малейшей веры в загробный мир, в бессмертие души! Неотразимо смелыми стихами, поражающими силой образов и стремительностью ритмов, говорил лицейский поэт о безвозвратном исчезновении умерших:

Не для них – весенни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов...
...Нет, разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы...

Грозных шагов командора не услышат счастливые любовники!

Возмущенный безверием Пушкина, Энгельгардт не оценил ни его поэтического дарования, ни его душевных качеств: «...Его высшая и конечная цель блеснуть и именно поэзией, – заключал новый директор лицея, – но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения».

Это единственный из всех современников Пушкина, усомнившийся в его творческом призвании.

2

Совершенно по-иному расценивали в то время шестнадцатилетнего поэта крупнейшие русские писатели. В конце марта молодого автора навестили в лицее по пути из Петербурга в Москву Карамзин, Жуковский, Александр Тургенев, Вяземский и дядя Василий Львович.

Все они стали теперь виднейшими деятелями литературного общества «Арзамас», основанного для обстрела оплотов литературной реакции – «Беседы» и Российской академии.

Борьба за старый и новый слог уже вышла далеко за границы филологических прений. Соображения правильного словообразования стали поглощаться политическими тревогами. Воинствующий Шишков, усматривавший всюду «следы языка и духа чудовищной французской революции», нападал на карамзинские галлицизмы и требовал обогащения языка церковнославянскими книгами.

Новые опыты Карамзина и Жуковского подвергались яростным нападкам и в театральных памфлетах Шаховского. После постановки осенью 1815 года «Липецких вод» с карикатурой на Жуковского сторонники Карамзина объединяются для общей борьбы. Возникает «Арзамас». Порядок заседаний нового содружества представлял живую пародию на собрания академий, масонских лож, литературных обществ типа «Беседы». Потешные и даже озорные приемы арзамасской процедуры вызывали немало нареканий, которые весьма убедительно отвел Вяземский: «В старой Италии было множество подобных академий, шуточных по названию и некоторым обрядам своим, но не менее того обратившихся на пользу языка и литературы».

Эти события вызывают отзвук в стенах лицея и привлекают к себе пристальное внимание Пушкина. С первых же своих шагов в литературе он стремился стать в ряды поэтического авангарда, с малых лет чувствовал себя оруженосцем боевых талантов, объявивших непримиримую войну литературному застою и реакции. Вот почему он с особенным интересом следил за объединением сил карамзинской группы, когда от разрозненных партизанских набегов обновители стиля перешли к регулярным действиям и дружно построились в боевую фалангу.

Через несколько дней после отъезда трех писателей из Царского Села поэт-лицеист пишет письмо «любезному арзамасцу» Вяземскому, жалуясь на свое лицейское заточение, препятствующее ему «погребать покойную Академию и «Беседу губителей русского слова».

«Арзамасцы» оценили эту непримиримость молодого поэта; в том же 1816 году Пушкин уже считался участником содружества под остроумным прозвищем Сверчок в знак того, что, еще находясь в стенах лицея, он уже оживлял своим звучанием современную поэзию.

Вскоре происходит сближение Пушкина с негласным главою «Арзамаса» Карамзиным. На лето 1816 года историк поселяется в Царском Селе. Незадолго перед тем Пушкин получает письмо от Василия Львовича с указанием «любить и слушаться» Карамзина.

Поэт-лицеист стал постоянным посетителем историографа. «В Царском Селе всякий день после классов прибегал он к Карамзиным из лицея, проводил у них вечера, рассказывал и шутил, заливаясь громким хохотом, но любил слушать Николая Михайловича и унимался, лишь только взглянет он строго или скажет слово Катерина Андреевна...»

Жена историка (ей было в то время тридцать шесть лет) произвела на Пушкина сильное впечатление. По свидетельству М. П. Погодина, влюбленный юноша с детской непосредственностью излил свое чувство. «Письмо было адресовано Карамзиной, и она показала его мужу. Оба расхохотались и, призвавши Пушкина, стали делать ему серьезные наставления... Пушкин стоял перед ними как вкопанный, потупив глаза, и вдруг залился слезами...»

В эту пору Карамзин выступал с публичными чтениями еще неизданной истории, нередко обсуждавшейся его учеными слушателями. Для молодого поэта такие собеседования были исключительно ценны. Интерес старших поэтов – Жуковского и Батюшкова – к эпохе князя Владимира отразился и на творческих замыслах их ученика. Но мотивы русской древности Пушкин думал развивать не в торжественной эпической форме, а в излюбленном жанре комической поэмы, задуманной им еще в 1814 году. Необычайные приключения витя-

зей в манере веселых повестей и волшебных сказаний, казалось, открывали ему путь для живого рассказа в духе его любимых шуточных и народных поэтов.

После «Толиады», «Монаха», «Бовы» – целого ряда неоконченных опытов – Пушкин снова берется за этот ускользающий от него и соблазнительный жанр. Для насыщения забавного рассказа характерными чертами прошлого он запоминает из чтений Карамзина героические эпизоды древности и живописные подробности быта. Глубоко чуждый монархическим тенденциям историографа, юный поэт увлекается преданиями о подвигах киевских витязей и запоминает архаические славянские термины и редкие варяжские наименования. Все это отразилось в песнях большой поэмы, которую Пушкин начал писать в последний год своей лицейской жизни.

3

У Карамзина летом 1816 года Пушкин встретил гусарского корнета Чаадаева. Удлиненное бледное лицо с пристальным и строгим взглядом прозрачных голубых глаз, высокий лоб под тенью мягких шелковистых прядей, небольшой, почти девичий рот, маленькие уши – все это создавало впечатление женственной и утонченной внешности. Чаадаев приходился внуком известному историку и дворянскому публицисту екатерининского времени князю Щербатову, видному собирателю рукописей и книг, автору «Летописи о многих мятежах» и «Повести о бывших в России самозванцах». Карамзин широко пользовался для своего труда материалами «Истории российской» Щербатова и с неизменной приветливостью принимал у себя внука своего видного предшественника.

Сам Чаадаев, несмотря на свою молодость – ему было в то время двадцать два года, – уже принимал участие в крупнейших событиях современной истории: сражался под Бородином, Кульмом, Лейпцигом и Парижем. Военные походы не прерывали его напряженной умственной работы. В гусарском мундире он оставался мыслителем и диалектиком. Пушкина одинаково пленяют законченные черты его медального профиля и стройные афоризмы его исторической философии. Несмотря на холод взгляда и строгую сдержанность внешней манеры, Чаадаев испытывал к поэту-лицеисту чувство самой сердечной приязни.

В царскосельском лагере лейб-гусар Пушкин знакомится еще с несколькими офицерами. Он любит цельную натуру недавнего адъютанта Беннигсена, поручика Петра Павловича Каверина, первого гусарского удальца на войне, в пирах и приключениях. Воспитанник Московского и Геттингенского университетов, Каверин не был чужд любви к поэзии. Стихотворения юного лицеиста он выслушивал с сочувственной радостью уже в первый период их знакомства.

Прекрасную характеристику этого друга-гусара Пушкин дал в своем посвящении ему, где призывает приятеля к презрению мнений «черни», то есть обывательской массы:

Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

Чаадаев познакомил Пушкина со своим однополчанином, юным Николаем Раевским, сыном знаменитого генерала 1812 года. Он был взят отцом на театр военных действий и участвовал в русской и европейской кампаниях вплоть до взятия Парижа. Военная жизнь рано закалила его. В отличие от женственного Чаадаева он был смугл, коренаст, даже несколько грузен. Крупная фигура и выразительное лицо заметно выделяли его из толпы,

а большая литературная начитанность вместе с даром оживленной речи неизменно привлекали к нему внимание общества.

В последние лицейские семестры Пушкин мечтает стать однополчанином Чаадаева, Каверина, Раевского. Он решает поступить в царскосельские гусары.

Его новые друзья горели непримиримой враждой к рабству и тиранству. В них жила глубокая уверенность, что политический переворот в крепостной монархии будет произведен армией, уже освободившей страну от бедствий иноземного нашествия.

По ряду ранних политических стихотворений Пушкина, в которых он сближает Чаадаева с Брутом, можно заключить, что эти настроения русских офицеров рано стали увлекать его своим протестующим духом. Победоносная война 1812 года, окрылившая мечты молодежи о падении рабства и произвола в России, обращала и юного поэта к заветной теме народной вольности. Он знал, что Батюшков в 1814 году послал Александру I стихотворение, в котором указывал на долг царя освободить после славной войны русский народ от рабства. Вскоре и первый поэт поколения обратится к мятежным песням о сокрушении самовластья во имя всенародной свободы.

Так чувствовал не один Пушкин. Его лучший друг Пущин мечтал развернуть в войсках революционную работу, к которой приобщили его еще на лицейской скамье первые тайные кружки. В последний год пребывания в лицее он вступил в «артель» братьев Муравьевых, Бурцова, Калошина, где велись «постоянные беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне».

Иван Григорьевич Бурцов оказался одним из главных вдохновителей вольномыслия лицеистов. Выдающийся военный, по уму, храбрости и знаниям он стал вскоре одним из активнейших членов возникших к тому времени тайных обществ. К его «мыслящему кружку» принадлежали и «спартанец» Вальховский и пламенный мечтатель Кюхельбекер. Через этих друзей воздействие новейших освободительных идей сказывалось и на политическом развитии Пушкина. Первое дыхание декабристских идей коснулось его уже на лицейской скамье.

8 июля 1816 года умер Державин. Незадолго до смерти он сказал С. Т. Аксакову: «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который еще в лицее перещеголял всех писателей».

Через несколько дней Карамзин обедал во дворце и был поражен: «Никто не сказал ни слова о смерти знаменитого поэта...»

Но в стенах лицея это известие вызвало глубокий отзвук:

«Державин умер! Чуть факел погасший дымится, о Пушкин!» – писал Дельвиг в надгробной оде. Стихотворение кончалось тревожной мольбой за того, кто призван владеть громкою лирой почившего поэта:

– Я за друга молю вас, Камены!
Любите молодого певца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные персты!..

В этой мольбе сказалась благоговейная нежность молодого поэтического поколения к своей первой и лучшей надежде – Пушкину.

Начальство до последнего момента не оставляло «младого певца» в покое. К выпускному экзамену явно по заданию своих воспитателей он написал стихотворение «Безверие». Указанная лицейским начальством тема о муках атеиста здесь разработана стойко и мужественно: Пушкин не отрекается от своих сомнений и не провозглашает своего обращения к религии – напротив, он заявляет, что его ум и сердце не находят божества, что загробный мир остается для него безответным – «он бога тайного нигде, нигде не зрит». Все стихо-

творение выражает напряженную критическую мысль и, по существу, является торжеством разума, отвергающего – хотя и не без драматизма – фикцию высшего существа, управляющего миром.

В явном конфликте оказывается поэт и с правительственной политикой в деле изучения языка и литературы. Стихотворение Пушкина свободно от обязательной «церковнославянской» архаизации стиля (как это требовал отчет лицейской конференции) – оно написано живым, простым, разговорным стихом, достигающим чистоты и прелести лучших образцов лицейской лирики:

Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?..

Рассуждение начинает звучать элегией.

В полдень 9 июня во второй раз появился в лицее Александр I. Новый министр Голицын представил царю всех выпускаемых воспитанников. Снова, как и 19 октября 1811 года, в лицейском зале прозвучало имя Александра Пушкина. Но теперь его уже сопровождала слава первоклассного поэта, облаканного Державиным, Карамзиным и Жуковским.

4

Лицейское шестилетие мало дало Пушкину в плане учебных программ. В 1815 году Жуковский выражал свою тревогу за юного Пушкина: «Боюсь за него этого убийственного лица, там учат дурно!» Впоследствии другой великий поэт и отчасти педагог, Мицкевич, так же зорко и верно писал о Царскосельском лицее: «В этом училище, направляемом иностранными методами, юноша не обучался ничему, что могло бы обратиться в пользу народному поэту; напротив, все могло содействовать обратному: он утрачивал остатки родных преданий; он становился чуждым и нравам и понятиям родным. Царскосельская молодежь нашла, однако ж, противоядие от иноплеменного влияния в чтении поэтических произведений Жуковского».

Авторитетность этого мнения не подлежит сомнению.

Широко вобравший традиции иезуитских школ, англо-библейской пропаганды, немецкого благочестия, французской светскости и даже австрийской разведки, лицей нес неизгладимые черты своего иноземного происхождения и своих реакционных задач. Из «двух культур» тогдашнего Запада высокопоставленные учредители и угодливые начальники лицея, не колеблясь, выбрали традицию сословного аристократизма, политической реакции и идейной контрреволюции. Это направление фактически поддерживал рядом мероприятий по военизации царскосельской школы и беспощадный враг всяческого «вольтерьянства» всесильный Аракчеев, лично назначенный в лицей главноначальствующим и всячески стремившийся приблизить гуманитарный институт к типу школы подпрапорщиков или юнкерского училища.

На совершенно иных путях развивалась свободная русская педагогическая мысль, проникавшая в лицей вопреки воле его основателя, представленная немногими профессорами и захватившая нескольких лучших и талантливейших воспитанников. Это была возникавшая декабристская педагогика. С ней постоянно боролись директора и главные наставники лицея, но именно она побеждала в сердцах и умах нескольких даровитейших лицеистов. Их было немного. Все прочие охотно шли официальным путем: Горчаков, Корф, Ломоносов, Стевен истово готовились к тем постам министров, губернаторов, послов, директоров департаментов, которые они вскоре и заняли.

Но первый лицейский курс навсегда облачили легендарной славой и лучезарной поэзией не это благоденствующее большинство, а отверженцы императорской России – Пушкин, Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер, Вольховский, пренебрегшие чинами и почестями для творчества и борьбы. К лицу буквально применимы слова Герцена о русском обществе александровского времени: «Образование, ум, жажда воли – все это было теперь в другом поясе, в другой среде, *не дворцовой*; в ней была юность, отвага, ширь, поэзия, Пушкин, рубцы 1812 года, зеленые лавры и белые кресты...»

Так всегда считал и сам поэт. Лицей для него – это несколько друзей и память о Куницыне и Галиче. Остальное отвергнуто и забыто. «Европеизированный» дворянский институт, относившийся с величайшим пренебрежением к «мужицким» песням, резко прервал живую связь поэта с эпическими народными образами, так ярко озарившими мир его детства.

Все это национальное, народное, героическое проникало в лицей лишь через немногих «внешних» друзей старшего курса – первых декабристов и особенно через русскую литературу (как верно отметил Мицкевич). Стихи действительно спасали от официальной педагогики. Главным стимулом развития Пушкина в школьные годы было общение с крупными русскими писателями и молодой товарищеской средой, где уже развивались лирики различных направлений.

Но не вполне бесследно прошли для него и некоторые лицейские курсы. То, что соответствовало в программах его школы позднему филологическому факультету, обычно воспринималось Пушкиным с интересом и прилежанием. Образцы классической литературы, упражнения в слоге и поэзии, теория словесности, учение о художественном переводе, эстетика – ко всему этому Пушкин проявляет вкус и относится с живым вниманием. Недаром из всех его учителей только «словесники» Кошанский и Будри отмечают в его выпускном свидетельстве превосходные успехи (если не считать еще учителя фехтования Вальвиля).

Но и лучшие лекторы лицея не удовлетворяют его проснувшихся интересов и запросов. Дефекты преподавания своеобразно восполняются Пушкиным непосредственными впечатлениями от чтения и общения с даровитыми и знающими людьми.

К этой живой школе присоединялось чтение. Лицейских профессоров восполняли великие современные писатели и лучшие поэты России и Франции. Так, курсы Кошанского получали живое истолкование в общении с Жуковским и Батюшковым, лекции Будри углублялись строфами Лафонтена и Вольтера, Кайданова восполнял Карамзин, а Куницына – Чаадаев.

Все это значительно расширяло школьные программы и способствовало творческому развитию Пушкина. Прослушав шестилетний курс наук, он выходит из лицея девятнадцатилетним учеником с весьма скромными баллами, но уже с первыми листками «Руслана и Людмилы». Пусть в дипломе поэта отмечены его умеренные успехи по географии и статистике – он уже запел песню, которой не суждено смолкнуть:

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...

Часть вторая

I

В АРАКЧЕЕВСКОМ ПЕТЕРБУРГЕ

1

На жизненное поприще Пушкин вступал в «мрачную годину». Это была эпоха жестокой реакции, жандармской мистики Священного союза и чудовищной диктатуры Аракчеева.

Но чем яростнее проявлял себя правительственный террор, тем сильнее сказывалось обратное течение. Под тираническим ярмом нарастал небывалый подъем общественных сил. Тайные политические союзы объединяли передовых деятелей России для сокрушения самодержавной деспотии и крепостнического строя.

Пушкин, не колеблясь, занял свой пост политического поэта в стане борцов за свободу.

Между тем официальным порядком определялась служебная карьера коллежского секретаря с лицейским дипломом. Через пять дней после выпуска Пушкин был зачислен в Коллегию иностранных дел.

Русское ведомство внешних сношений представляло в этот момент необычную картину: министра в нем не было. Портфель его удерживал в своих руках сам царь, признавший себя к этому времени королем европейских политиков. Пушкин в известной эпиграмме острил над этой эволюцией «лихого капитана»: «Теперь коллежский он ассессор по части иностранных дел».

Во главе министерства находились два исполнителя предначертаний и воли коронованного дипломата – реакционер Нессельроде и конституционалист Каподистрия. Александр I играл на противоположности программ и убеждений двух своих статс-секретарей и неуклонно проводил принципы созданного им в 1815 году религиозного объединения европейских монархов для повсеместного удушения революции. Международная политика выражалась принципом вооруженной интервенции в любую страну, где проявилось бы освободительное движение народа. «Все пало – под ярем склонились все главы», – определял несколько позже роль Священного союза Пушкин.

Клерикальный курс петербургского правительства полностью сказывался и во внутреннем управлении страной. Воинствующий мистицизм стал выражением и стилем власти. Университетская наука, печать, школа были подчинены произволу казенных богословов. Литература задыхалась в тисках неистовой цензуры. Народ изнывал от режима военных поселений и опеки всевозможных «заступников кнута и плети».

Таков был тот поистине «страшный мир», в который вступил поэт лицея. Три года, проведенные Пушкиным в александровском Петербурге, были временем его открытых выступлений против реакции, подавлявшей страну. За это время он проявил себя блестящим поэтом-публицистом и бичующим сатириком. Борьбу, которую он так рано повел в лице с «благочестивыми» заветами Малиновского, Пилецкого, Энгельгардта, он продолжал теперь с иными государственными деятелями, в новых масштабах и более отточенным оружием. Шутливые песенки сменяются стальными стихами. Школьная фронда перерастает в антиправительственную пропаганду. Подготовка к боям закончена. Молодой гладиатор вышел на арену.

2

Битвы Пушкина с правительственным Петербургом разразились не сразу. Они выражали мнения самых передовых общественных кругов столицы, с которыми постепенно сближался поэт. По окончании же лица, еще не вступая в политические схватки и всецело отдаваясь творческим помыслам о подвигах своего Руслана, он решает сменить петербургские бульвары на родовые рощи псковского края.

Тихие, глубокие, неподвижные озера. Вековые сосны нависли широкими шатрами над извилистой лесной дорогой. Медленная, почти зеркально-застывающая Сороть, поистине «лоно сонных вод»... А за ней холмы и жнивья вплоть до синеющих на горизонте рощ.

Село Михайловское, скрытое в лесах Опочецкого уезда Псковской губернии, было пожаловано Елизаветой в 1746 году знаменитому «царскому арапу». Со смертью его сына, Осипа Абрамовича, оно перешло в 1806 году к дочери последнего, Надежде Осиповне Пушкиной. Эту родовую вотчину Ганнибалов Пушкин впервые увидел в июле 1817 года.

Близ Михайловского находилось Тригорское, получившее свое наименование от трех холмов, придававших большую живописность всей местности. Здесь жила почти безвыездно Прасковья Александровна Осипова, дочь крупного псковского помещика XVIII века Вындомского, женщина умная и властная. Она сама управляла своим поместьем и очень много читала.

Пушкин часто бывал в Тригорском, где имелась старинная фамильная библиотека. Там нашел он Лесажа, Мольера, Руссо, Ричардсона и первые русские переводы Шекспира.

Владелица поместья показывала гостю свой альбом, обтянутый черным сафьяном, скрепленный золотыми застежками, уже хранящий на своих золотообрезных листках ряд афоризмов и стихов. За год до того двоюродный брат Прасковьи Александровны, офицер Семеновского полка Сергей Иванович Муравьев-Апостол, подарил ей эту тетрадь. Согласно тогдашнему поверью, кто своей записью открывает альбом, погибнет насильственной смертью. Вот почему Прасковья Александровна записала сама на первой странице две французские строчки: «Менее всего боясь смерти, я начинаю мой альбом». Вслед за этой надписью Сергей Муравьев-Апостол написал (тоже по-французски): «Я тоже не боюсь и не желаю смерти... Когда она явится, она найдет меня совершенно готовым...» Запись датирована 16 мая 1816 года.

Пушкин полюбил дом и парк Осиповых:

Приду под липовые своды
На скат тригорского холма...

Природа псковской земли была ему мила, как и древние памятники края. Он творчески воспринял своеобразную и несколько элегическую красоту этих молчаливых рощ и медлительных вод: «холмы, луга, тенисты клены огорода, пустынной речки берега...». Так бегло зарисует он в 1819 году эти родные и близкие его сердцу пейзажи.

Другой отрадой деревенской жизни поэта была сосредоточенная и уединенная творческая работа. В деревне Пушкин занят первой песнью «Руслана и Людмилы», начатой еще в лицее.

Но очарование деревней длилось недолго. «Люблю шум и толпу», – писал Пушкин о своем первом пребывании в Михайловском, где, несмотря на трехмесячный отпуск, он прожил немногим больше месяца. В конце августа 1817 года он уже снова в Петербурге.

Вскоре по возвращении из деревни Сверчок-Пушкин был официально принят в «Арзамасское общество безвестных людей». Несмотря на шуточный характер обрядов, «Арзамас» был самым значительным и серьезным явлением русской литературной жизни того времени. Его виднейшими представителями были Карамзин, Жуковский и Батюшков, которых Пушкин признавал великими писателями. В содружество входили и такие культурные люди, как Николай Тургенев и Вяземский, оказавшие несомненное влияние на развитие Пушкина.

Вступая в «Арзамас», молодой поэт избежал громоздкой процедуры, сопровождавшей в свое время избрание Василия Львовича, который должен был прослушать приветственные речи из-под наваленных на него шуб, стрелять в чучело, изображавшее дурной вкус, и пр., но все же выполнил установленный ритуал. В мягком красном колпаке, или «фригийской шапке», распространенной во времена французской революции, он произнес торжественную клятву, в которой под прозрачными псевдонимами обличались Шишков, Шаховской, Хвостов и открыто объявлялась вечная вражда академии и «Беседе». Обычной вступительной речи Пушкин не произносил, а прочел стихотворное обращение к своим новым сочленам:

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!..

Это было нечто вроде послания, где вспоминались славные события и деятели кружка – Жуковский, Блудов и, вероятно, сатирик Вяземский в беспечном колпаке,

С гремушкой, лаврами и розгами в руке...

Но в момент вступления Пушкина в «Арзамас» «беспечный колпак», гремушка и розги литературной полемики уже перестали эмблематически выражать настроения содружества. Еще в середине 1816 года возникли первые толки о необходимости направить шутовское «литературное товарищество» по пути серьезной работы. Староста «Арзамаса» Василий Пушкин указывал товарищам, что прямая цель их союза – обогащение языка; Уваров и Блудов призывали к «подлинному возобновлению отечественной литературы». Наконец, младшие «арзамасцы», Николай Тургенев и Михаил Орлов, пытались превратить веселый кружок в настоящий орган общественного мнения. Они стремились перевести беспечных пародистов на путь «истинного свободомыслия» и «теплой любви к стране русской». Они предлагали совмещать литературные доклады с политическими. В заседании 27 сентября 1817 года, по свидетельству Николая Тургенева, «арзамасцы» «отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней: все согласны в необходимости уничтожить рабство...».

Это направление заметно сказалось на поэтическом развитии Пушкина. Даже его стихотворные посвящения представительницам петербургского общества Е. С. Огаревой и А. И. Голицыной, с которыми он знакомится в салоне Карамзина, приобретают характер гражданской поэзии. Светские мадригалы Пушкина получают на фоне официального мистицизма и аракчеевщины острые политические черты. В трех строфах его стихотворения «К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада» с исключительной легкостью даны основные мотивы недавнего «Монаха» – насмешливое отношение к отшельнику, в данном случае высокому представителю церковной иерархии, который сравнивается здесь с «богом садов», то есть с Приапом, считавшимся также богом сладострастия.

Политически заострены и ранние посвящения Пушкина Голицыной. По свидетельству Карамзина, поэт сильно увлекся этой «принцессой-полунощницей», дававшей меткие оценки ходу текущих государственных дел. В своем первом посвящении ей («Краев чужих неопытный любитель...») Пушкин заключил мадригальной концовкой обществен-

ный мотив, навеянный, очевидно, передовым кружком Тургеневых. Так же построено и второе посвящение Пушкина А. И. Голицыной («Простой воспитанник природы...»), сопровождавшее одно из его первых и самых сильных политических стихотворений, возникшее в том же тургеневском кружке.

Пушкин знакомится с рядом выдающихся людей, составивших его постоянное общество и даже круг его будущих друзей. Таков Грибоедов, его сослуживец по Коллегии иностранных дел, «меланхолический характер» и «озлобленный ум», в котором все, по позднейшему свидетельству Пушкина, «было необыкновенно привлекательно». Таков Гнедич, автор политического памфлета 1805 года «Перуанец к испанцу», в котором резко разоблачалось отечественное крепостничество под видом тирании испанских колонизаторов в Южной Америке. Сходится Пушкин и со штабс-капитаном Преображенского полка Катениным, первоклассным знатоком поэзии и сцены. Это был несомненный мастер живого литературного диалога, увлекавший своими смелыми и резкими суждениями, ниспровергавший авторитеты и отважно вступавший в бой с господствующими течениями. Представитель передовых общественных взглядов и даже член тайных обществ, он действовал на молодые аудитории и своими политическими убеждениями, за которые вскоре поплатился ссылкой в деревню.

Пушкин не раз признавал заслуги Катенина как переводчика, литературного теоретика, драматурга и особенно как создателя русской народной баллады. Но некоторые свойства этого поэта-архаика вызывали иронию Пушкина: оказывается, только в устах гениальной Семеновой «понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.